

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 5 (11), 2017

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2017

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 5 (11), 2017

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 5 (11), 2017

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

- Bondarchuk I.A.*
THE BASIC APPROACHES TO THE DISCOURSE TYPOLOGY 8
- Taff M.Ye.*
ON SOME LINGUISTIC MEANS OF SUBJECTIVE EVALUATIVE
MODALITY ACTUALIZATION OF AUTHOR OF LITERARY TEXT 14

Literary Studies

- Davydova S.A., Litvinchuk A.I.*
CULTURE-SPECIFIC LEXIS AS A REFLECTION OF NATIONAL CULTURAL IDENTITY 19
- Sadko L.M.*
“EVERYDAY LANGUAGE” IN THE GERMAN CONCRETE POETRY 22

Russian Literature

- Abdurazakova D.S.*
THE ARTISTIC ORIGINALITY OF A. DRABKIN'S STORY “KRASHENKI” 25

Literature of Peoples of the Foreign Countries

- Li Eryong*
RESEARCHING THE CULTURAL VALUE
OF THE “EIGHTEEN RAPIDS TUNES” OF THE GANJIANG RIVER (WANAN DISTRICT)..... 30

Literary Theory. Textology

- Shibayeva N.B.*
VERBALIZATION OF ETHNOCULTURAL SCRIPT FRAME
“LIVING HONESTLY” IN A.P. CHEKHOV'S SHORT STORY “RAZ V GOD” 35

Journalism

- Petrash A.I.*
ON THE JOURNALISM NATURE 40

Linguistics

- Asgarova Kh.S.*
ISSUE OF LINGUISTIC THEORY IN THE F. DE SAUSSURE'S CONCEPTION 46
- Gorbushina I.A.*
DEVELOPMENT OF COITAL SEMANTICS
IN AGRICULTURAL VERBS (*TELKTI, *P'XATI, *TERTI)..... 59

Germanic Languages

Artemova L.A.

NICKNAME AS AN INTRODUCING MODEL

AS A TOOL CHARACTERIZING PERSON IN MEDIA TEXT 64

Smirnova T.Yu.

GRAMMATICAL MEANING IN POSTMODERN DISCOURSE 71

Latin Languages

Temnokhud A.V.

ON THE ETYMOLOGY OF THE *CALEMBOUR* TERM (BASED ON THE FRENCH MATERIAL) 75

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

Бондарчук И.А.
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ ДИСКУРСА 8

Тафф М.Е.
О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВАХ АКТУАЛИЗАЦИИ
СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ МОДАЛЬНОСТИ АВТОРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА 14

Литературоведение

Давыдова С.А., Литвинчук А.И.
КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА
КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ КУЛЬТУРЫ..... 19

Садко Л.М.
«БУДНИЧНЫЙ ЯЗЫК» В ПОЭЗИИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ КОНКРЕТИСТОВ 22

Русская литература

Абдуразакова Д.С.
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА А. ДРАБКИНА «КРАШЕНКИ» 25

Литература народов стран зарубежья

Ли Эрюн
ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ И СОХРАНЕНИЯ
«НАПЕВОВ ВОСЕМНАДЦАТИ ПОРОГОВ» РЕКИ ГАНЬЦЗЯН (УЕЗД ВАНЬАНЬ)..... 30

Теория литературы. Текстология

Шибаета Н.Б.
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СЦЕНАРНОГО ФРЕЙМА
«ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ» В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «РАЗ В ГОД» 35

Журналистика

Петраш А.И.
О ПРИРОДЕ ЖУРНАЛИСТИКИ..... 40

Языкознание

Аскерова Х.С.
ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ ЯЗЫКА В КОНЦЕПЦИИ Ф. ДЕ СОССЮРА 46

Горбушина И.А.
РАЗВИТИЕ У ГЛАГОЛОВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ
КОИТАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ (*TELKTI, *PЪXATI, *TERTI) 59

Германские языки

Артемова Л.А.

ПРОЗВИЩЕ В КАЧЕСТВЕ ИНТРОДУКТИВНОЙ МОДЕЛИ
КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЦА В МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ 64

Смирнова Т.Ю.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ 71

Романские языки

Темнохуд А.В.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ТЕРМИНА «КАЛАМБУР»
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)..... 75

УДК 81'42

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ ДИСКУРСА

И.А. Бондарчук, преподаватель 16 кафедры (иностранных языков)
Военная академия войсковой противовоздушной обороны ВС РФ
им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского (Смоленск), Россия

***Аннотация.** Данная статья посвящена одной из актуальных проблем дискурсивного анализа – типологии дискурса. Автором описываются основные общепринятые в современной отечественной лингвистике типы дискурса, а также выделяются критерии, служащие основанием для его типологизации. Проанализировав основные подходы к типологии дискурса, автор приходит к выводу, что наибольшее признание в научных кругах получил критерий, отражающий социальные характеристики говорящего и адресата.*

***Ключевые слова:** дискурс, дискурсивный анализ, типология дискурса, структурное моделирование дискурса.*

На протяжении последних десятилетий феномен «дискурс» находится в фокусе внимания представителей различных гуманитарных дисциплин. Являясь объектом исследования многочисленных фундаментальных трудов, дискурс хоть и получил всестороннее описание, однако остался при этом «размытой категорией» [1], не имеющей четкого общепринятого определения, которое бы признавалось одновременно всеми учеными, занимающимися анализом данного феномена.

В современной отечественной и зарубежной лингвистике выполнено много исследований, так или иначе связанных с обозначенной выше проблемой. Свой вклад в разработку теории дискурса внесли такие выдающиеся филологи как М.Л. Макаров, Н.Д. Арутюнова, А.А. Кибрик, П.Б. Паршин, В.И. Карасик, А.В. Голоднов и др. Следует отметить, что некоторые из вопросов теории дискурса, предложенных исследователями, прочно закрепились в лингвистической науке и широко используются в работах, посвященных проблемам дискурсивного анализа.

Дискуссионным остается также вопрос о классификации дискурса. На сегодняшний день не существует единых параметров, которые можно было бы использовать для его типологизации, «разные авторы предлагают совершенно несоотносимые подходы» [8, с. 2]. Так, например, наряду с философским дискурсом выделяют административный и феминистский дискурсы. Данные примеры наглядно демонстрируют различие по своему объему и содержанию. В связи с этим представляется очевидным, что «выделение столь разнообразных типов дискурсов свидетельствует о крайней разнородности критериев, на основании которых выделение этих типов происходит, а также о чрезвычайной смысловой «ёмкости» самого понятия «дискурс»» [10, с. 16]. Таким образом, при классификации дискурса исследователь исходит от понимания самого термина «дискурс», но так как в настоящее время этот вопрос остаётся открытым, то и проблема классификации дискурса окончательно еще не решена.

Профессор В.И. Карасик в монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» постулирует, что исследования в области дискурсивной таксономии можно свести

к выделению трех основных подходов – социолингвистического (кто говорит), прагмалингвистического (как говорят) и тематического (о чем идет речь).

С точки зрения последнего в основу типологии дискурса положен тематический критерий, объединяющий в систему множество высказываний с учётом конкретной темы общения. Придерживаясь данного подхода, В.И. Карасик выделяет следующие типы дискурса: экономический дискурс, моральный дискурс, экологически дискурс, сказочный дискурс, прогностический дискурс, автобиографический дискурс, террористический, расистский и ксенофобический дискурсы. [7, с. 349–352]. Однако данные типы дискурса, выделяемые в соответствии с тематическим критерием, не отражают всего многообразия тем, в рамках которых может разворачиваться коммуникация. Как справедливо отмечает А.В. Голоднов, «необозримое количество тем дискурса, объединяющее огромное количество рассеянных во времени и пространстве высказываний, делает практически невозможным, да и непродуктивным, создание тематической классификации дискурса» [2, с. 87]. В связи с этим он предлагает устанавливать границы не между тематическими дискурсами, а между порядками дискурса, в транстекстовой концепции М. Фуко понимаемых как исторически сложившиеся практики социального взаимодействия людей. Принимая во внимание данное замечание, А.В. Голоднов выделяет политический, экономический, религиозный, массмедийный, научный, литературный дискурсы [там же].

Заслуживает внимания предлагаемая В.И. Карасиком типология дискурса, проводимая с позиций прагмалингвистики. Прагмалингвистическое описание дискурса построено на выделении типов коммуникативной тональности – «эмоционально-стилевым формате общения, возникающем в процессе взаимодействия коммуникантов и определяющем их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [7, с. 359-360]. В качестве основных критериев классификации коммуникативной тональности автором предлагаются признаки одноплановости либо многоплановости, заданности либо открытости смыслов, серьезности либо несерьезности общения, его кооперативности либо конфликтности, приоритета содержания либо формы общения, конкретности или отвлеченности тематики. С учетом данных критериев исследователь выделяет следующие типы коммуникативной тональности – информативную, фатическую, статусную, шутивную, торжественную, идеологическую, фасциативную, гипотетическую, агрессивную, эзотерическую, манипуляторную, менторскую [7, с. 359-360], позволяющие различать «серьезный и юмористический, торжественно-ритуальный и обыденный, информативный и фасциативный, содержательный и фатический и другие типы дискурса». [6, с. 301]. Принимая во внимание предложенную В.И. Карасиком типологию, становится очевидным тот факт, что установленные на прагмалингвистическом основании виды дискурса взаимопересекаются. Так, например, неритуальное общение может объединять в себе информативную, фасциативную, фатическую и нефатическую составляющие. Кроме того, предложенные автором данной типологии параметры общения можно использовать для дополнения или уточнения тех типов дискурса, которые выделяются с позиций социолингвистики, то есть с учетом того, кто и в каких обстоятельствах принимает участие в общении.

Так, на основании данного подхода противопоставляются личностно-ориентированный (персональный) и статусно-ориентированный (институциональный) дискурсы. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института [5, с. 6].

Личностно-ориентированное общение представляет собой общение хорошо знакомых друг другу людей, оно наполнено конкретным смыслом, обусловлено теми личностными отношениями, которые установились между партнерами. В процессе такого общения адресант стремится не только сообщить определенную информацию или оказать воздействие на собеседника, но и раскрывает свой внутренний мир, при этом предоставляя и партнеру возможность выразить себя.

Персональный дискурс представлен двумя основными типами: бытовым (обиходным) и бытийным (художественным и философским) общением. Если бытовое общение направлено на удовлетворение практических потребностей говорящего, то есть «актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего» [6, с. 193], то бытийный дискурс «предназначен для нахождения и переживания существенных смыслов, здесь речь идет не об очевидных вещах, а о художественном и философском постижении мира» [там же].

Вместо знаний о личности собеседника, выходящих на первый план в личностно-ориентированном дискурсе, в статусно-ориентированном дискурсе первостепенное значение имеет социальный статус индивидуума, являющегося представителем определенного общественного института. Под общественным институтом в данном случае понимается «любой вид закрепленных действий или нормативных комплексов, характеризующихся социальными правилами и ритуализированными рамками функционирования» [11]. Общение в этих институтах представляет собой неотъемлемую часть их организации и осуществляется в соответствии с нормами конкретного института, каждый из которых характеризуется особым стилем общения и специальной системой профессионально ориентированных знаков.

Общественным институтам соответствуют свои конкретные типы институциональных дискурсов: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, массово-информационный и другие. Приведенный перечень не является закрытым, количество дискурсов может варьироваться, что обусловлено исторической изменчивостью социальных институтов. Этот процесс связан с их основной функцией – реализацией конкретной, важной для социума потребности. Изменение потребностей приводит к изменению социальных институтов в обществе: появляются новые институты, прекращают свою деятельность старые. Та же самая закономерность присуща и дискурсам. Так, например, институт дворянских дуэлей, активно функционирующий в период с XVI до XVIII вв., давно прекратил свое существование, соответственно, и дискурс, обслуживающий его, в настоящее время потерял всякую актуальность.

Однако появление новых типов институциональных дискурсов детерминировано не только их исторической изменчивостью, но и их способностью пересекаться и накладываться друг на друга. Так, например, политический дискурс находит точки соприкосновения с экономическим, юридическим, спортивным и другими видами институциональных дискурсов, что обусловлено рядом внеязыковых факторов. В последнее время большинством ученых признается тот факт, что в реальности институциональные дискурсы в чистом виде встречается сравнительно редко и представляют собой лишь «исследовательскую абстракцию» [3, с. 48].

На наш взгляд, вопрос об «открытости» институциональных дискурсов и установлении границ между ними представляет собой несомненный исследовательский интерес и в дальнейшем будет изучен нами на примере военного дискурса.

Следующие классификации дискурса, предложенные А.А. Кибриком, также получили признание в научных кругах. Лингвист выстраивает свою типологию, взяв за основу следующие параметры: модус, жанр, функциональный стиль, формальность. Опишем некоторые из них.

Так, с учетом модуса, или канала передачи информации исследователь предлагает противопоставить два типа дискурсов – устный и письменный. Базовым в этом случае является устный дискурс, основанный на акустическом взаимодействии между собеседниками. В отличие от устного письменный дискурс является вторичной, более поздней разновидностью общения, при которой основой для взаимодействия является визуальный канал передачи информации.

Интересным на наш взгляд является предложение А.А. Кибрика выделить еще один тип дискурса, основанный на визуальном контакте между говорящим и адресатом – жестовый

дискурс. Несмотря на то, что жесты, сопровождающие обычную устную речь, тесно «сплетены» со звуковой речью, и, как правило, не рассматриваются отдельно, существует «совершенно иной тип использования жестов – жестовые языки глухих» [8, с. 3]. При таком способе общения говорить об устном дискурсе не представляется возможным, так как передача информации осуществляется в данном случае только на базе визуального контакта.

Взяв за основу типологии канал общения, профессор А.А. Кибрик в дополнение к вышеперечисленным предлагает выделить еще несколько видов дискурса: мысленный и электронный. Для первого характерно отсутствие звуковых либо визуальных следов языковой деятельности человека, так как одно и то же лицо является и говорящим, и реципиентом одновременно. Электронный дискурс, появившийся вследствие активного развития электронных средств общения, объединяет в себе черты устного и письменного дискурсов, то есть подобно письменному дискурсу он «использует графический способ фиксации информации, но подобно устному дискурсу он отличается мимолетностью и неформальностью» [8, с. 7].

Следует отметить, что выделенные А.А. Кибриком типы дискурса с учетом канала общения во многом перекликаются с теми дискурсами, которые В.И. Карасик выделяет на тех же основаниях. Исследователь противопоставляет «устный и письменный, контактный и дистантный, виртуальный и реальный типы дискурса» [6, с. 301].

Более частную классификацию А.А. Кибрик выстраивает с позиций структурного моделирования дискурса, где в качестве критериев классификации выступают жанры, понимаемые нами как исторически сложившиеся ситуативные формы речевого поведения. Изначально понятие жанра было связано с исследованием художественного текста. Однако М.М. Бахтин и ряд других исследователей предложили более широкое понимание термина «жанр», релевантное не только для литературных, но и для любых форм текстов и дискурсов, благодаря чему в настоящее время понятие жанра используется в дискурсивном анализе достаточно широко. Несмотря на это исчерпывающей классификации жанров на данный момент пока не существует, однако в качестве основных лингвисты называют бытовой диалог (беседу), рассказ (нарратив), инструкцию по использованию прибора, интервью, репортаж, доклад, политическое выступление, проповедь, стихотворение, роман [9].

Как отмечает В.И. Карасик, особую востребованность в современной лингвистике получило изучение различных жанров в рамках определенных типов институционального дискурса [7, с. 279]: в научном дискурсе – статья, научная рецензия, в политическом дискурсе – политическое интервью, листовка, предвыборная полемика, парламентские дебаты, в военном дискурсе – директива, военная доктрина, текст военной присяги и др. Наряду с определенным набором жанров, принадлежащих к конкретному типу институционального дискурса, существуют и «пограничные жанры», которые относятся к разным типам дискурса одновременно. Например, рекламное интервью сочетает в себе черты как рекламного, так и массово-информационного дискурсов.

Мы также придерживаемся мнения о том, что выделение и описание отдельных жанров, существующих в рамках определенных институциональных дискурсов, является перспективным направлением в области дискурсивного анализа, изучение которого позволило бы сделать коммуникацию в рамках конкретных институтов более эффективной.

Следующее противопоставление дискурсов, независимое от модуса и жанра, А.А. Кибрик предлагает проводить с учетом функциональных стилей. Традиционно выделяют пять основных разновидностей функциональных стилей речи, различающихся условиями и целями общения в определённой сфере общественной деятельности: научный, официально-деловой, публицистический, разговорный, художественный. В последнее время ряд учёных говорит о религиозном функциональном стиле (М.Н. Кожина и др.), исследования которого в советское время по понятным причинам не приветствовались. Однако А.А. Кибрик дополняет этот перечень целым рядом функциональных стилей и предлагает выделить юридический, политический, коммерческий, криминальный, религиозный и т.д. [8, с. 11].

Тем не менее, не все лингвисты разделяют такую точку зрения. Так, например, В.Е. Чернявская предостерегает исследователей от попыток объявить о полной тождественности понятий «функциональный стиль» и «дискурс». По мнению профессора, функциональный стиль в границах теории функциональной стилистики ориентирован на облигаторные модели языковой деятельности, он связан, в первую очередь, с общественно значимой коммуникативной функцией, формой общественного сознания и видом деятельности. Ввести в научный оборот дополнительный функциональный стиль, доказать его существование как объекта анализа – значит доказать объективность существования коррелирующей с ним формы сознания [12, с. 120]. В этом смысле пока не оправдывают себя «авторские» функциональные стили, перечисленные ранее. При этом, несомненно, существуют юридический, политический, коммерческий, криминальный, религиозный дискурсы, выделяемые в рамках соответствующих функциональных стилей. В научном дискурсе, например, можно выделить дискурс химии, дискурс органической химии, дискурс генетики и проч.

Одна из типологий, основанная на экстралингвистических критериях, используемых и при функционально-стилистической классификации, принадлежит известному филологу А.В. Голоднову. Критерием, лежащим в основе его классификации, является «общественная социо-коммуникативная практика в исторически сложившейся сфере социального взаимодействия» [2, с. 86]. На основе данного критерия исследователь выделяет следующие типы дискурса: обиходно-бытовой, массмедийный (массово-информационный), литературный, научный, политический, юридический, религиозный, экономический, общественно-деловой и др. Такие типы дискурса исследователь называет социо-функциональными.

Существуют и другие, более частные типологии дискурса, выделяемые по различным критериям: вид речи (Л.М. Бондарева, В.Б. Кашкин), адресность (А.П. Загнитко), реализуемые коммуникативные стратегии (Н.Н. Миронова), деловое общение (Т.В. Анисимова, А.С. Кожегова), отраслевая коммуникация (Л.С. Бейлинсон, Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова) и др.

Описанные в настоящей работе типологии дискурса, безусловно, не охватывают все существующие на настоящий момент в лингвистике. Нашей целью не является детальная разработка данной проблемы, поэтому указанные способы и варианты классификации дискурса являются достаточным основанием для необходимых нам выводов.

Как показал анализ литературы, с именем каждого автора связана своя индивидуальная типология, направленная для решения конкретных исследовательских задач. Как справедливо отмечают Л.Дж. Филипс и М.В. Йоргенсен «вопрос определения границ [дискурса] стратегически детерминирован целями исследования. Таким образом, цели исследования задают “дистанцию” исследователя по отношению к материалу и, следовательно, определяют, что можно интерпретировать как отдельный дискурс» [4, с. 232].

В настоящей работе были описаны наиболее распространенные типы дискурса, выделяемые с различных позиций. Несмотря на разнообразие выделяемых типов дискурса, они не противоречат, а взаимодополняют друг друга. Кроме того, отражение характера социальных отношений между говорящим и адресатом является наиболее распространенным критерием, лежащим в основе типологии дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Голоднов, А.В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка): Монография / А.В. Голоднов. – СПб.: Астерион, 2011. – 344 с.
3. Зильберт, Б.А. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи / Б.А. Зильберт, А.Б. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация. – 2001. – Вып.17. – С. 45–55.
4. Йоргенсен, М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. / Йоргенсен М.В., Филипс Л. Дж. – 2-е изд., испр. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
5. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. Трудов. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.

6. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
8. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
9. Кибрик, А.А. Дискурс / А.А. Кибрик, П.Б. Паршин // Энциклопедия «Кругосвет», 2001. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html (Дата обращения: 03.05.2017).
10. Малышева, Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: научная монография / Е.Г. Малышева. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. – 324 с.
11. Попова, Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью). Дисс. ... канд. филол. наук. / Е.А. Попова. – Волгоград, 1995.
12. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 208 с.

Материал поступил в редакцию 31.08.17.

THE BASIC APPROACHES TO THE DISCOURSE TYPOLOGY

I.A. Bondarchuk, Teacher of the Department No. 16 (Foreign Languages)
The Army Air Defense Military Academy of The Russian Armed Forces
named after A.M. Vasilevsky, the Marshall of The Soviet Union (Smolensk), Russia

***Abstract.** This article deals with one of current issue of the discourse analysis – discourse typology. The author describes the basic standard discourse types in modern domestic linguistics and also the criteria forming the basis for its classification are distinguished. Having analyzed the main approaches to discourse typology, the author concludes that the criterion reflecting social characteristics of speaker and addressee received the greatest recognition in scientific community.*

***Keywords:** discourse, discourse analysis, discourse typology, structural modeling of discourse.*

УДК 821.111

О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВАХ АКТУАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ МОДАЛЬНОСТИ АВТОРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

М.Е. Тафф, старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Уральский государственный архитектурно-художественный университет»
(Екатеринбург), Россия

***Аннотация.** Темой статьи является скрытая субъективно-оценочная модальность автора в произведениях «малой» прозы на примере рассказа Фэй Уэлдон «Leda and the Swan» из сборника рассказов *Wicked Women*. В результате лингвистического анализа художественного текста выделяется ряд разноуровневых языковых средств актуализации авторской модальности как способа реализации его индивидуальной картины мира. Взгляд на авторскую модальность как потенциально текстовую позволяет делать выводы, актуальные для дальнейших лингвистических исследований художественного текста.*

***Ключевые слова:** текст, текстовая категория, модальность, субъективно-оценочный, имплицитный, художественный, актуализация, языковые средства.*

Текст как произведение речетворчества позволяет рассматривать себя в свете теории речевых актов как разновидность акта коммуникации, участниками которой выступают автор-адресант с одной стороны и читатель-адресат с другой. Именно такое видение текста взято за основу разработки вопроса скрытой субъективно-оценочной модальности автора в произведениях малой прозы на примере рассказа британского писателя Фэй Уэлдон *Leda and the Swan* из ее сборника *Wicked Women*.

Ныне здравствующая и успешная Фэй Уэлдон и в 85 лет продолжает радовать своих читателей прозой, свидетельством чему является выход в свет в марте 2017 года романа «*Death of a She Devil*». Акцент на «малой» прозе, однако, в статье не случаен. Представляется, что текст как реализация жизненной концепции его автора, как воссоздание его индивидуальной картины мира более эксплицитно проявляет себя в рассказе, нежели в форме романа, где декодирование языковых средств разных уровней языковой системы по выявлению авторской модальности затруднен самим объемом художественного произведения. Сказанное выше, при этом, совсем не означает, что модальность автора как одна из текстовых категорий не подлежит качественному исследованию в произведениях «большой» прозы.

Изначально необходимо оговориться, что текстовая категория модальности именно в художественном тексте рассматривается нами в ее субъективно-оценочном смысле как отношение говорящего к сообщаемому, а не в ее объективно-модальном значении как отношении сообщаемого к действительности по линии реальность / ирреальность. Более того, применительно к произведениям художественной литературы представляется логичным вести речь только о субъективной модальности, поскольку в них мы имеем дело с изображенной реальностью: художественный текст по природе своей просто пронизан субъективностью и абсолютно антропоцентричен. Это, однако, не означает, что мы не учитываем полифонию текста, о которой так много говорил М.М. Бахтин, и существование объективированной формы автора в тексте в виде автора-повествователя.

Еще одно замечание имеет отношение к природе модальности как таковой. Безусловно, грамматическая природа модальности на уровне предложения нами не отрицается, однако, в данной работе понимается в ее расширительном значении как *потенциально* текстовая

категория, актуализируемая в тексте далеко не только грамматическими, но лексическими, фразеологическими, интонационными, композиционными и стилистическими средствами, «выводящими» ее, повторяясь, на уровень всего текста.

Итак, применительно к выбранному рассказу искрометной Фэй Уэлдон модальность на уровне предложения будет рассматриваться нами как фразовая; модальность же, вышедшая за рамки предложения, – как текстовая.

Тема рассказа, как и других, вошедших в указанный во введении сборник, – жизнь малой британской семьи в условиях современного британского общества. Молодые супруги Гозлинг и Эйлин воспитывают двух маленьких дочерей.

Возвращаясь к интересующему нас вопросу о средствах выражения субъективной модальности автора, в тексте **Leda and the Swan** наблюдаются случаи как фразовой, так и текстовой модальности.

Первая проявляет себя на уровне отдельного знаменательного слова или непредикативного словосочетания. «His mother had died of cancer, **painfully**, when he was a young man, at the time when it seemed important for him to renounce and defy her: **at the wrong time**». Объективный план высказывания заключен в наречии **painfully**, субъективной же составляющей является несобственно-прямая речь героя **at the wrong time**. Авторская модальность строится на сталкивании двух указанных планов и порождении, тем самым, третьего **имплицитно**, вербально не выраженного, авторского: «Я осуждаю его (героя) за это».

Надо сказать, что авторское отношение к герою, помимо своей имплицитности, пронизано иронией, которая проявляет себя, например, при сопоставлении нескольких атрибутивных словосочетаний с одинаковым признаком при диаметрально противоположных предметах. «Perhaps he spent too much time **on foreign beaches** and not enough **in foreign offices**». Однородные обстоятельства места, выраженные одним и тем же прилагательным, ощущаются как диаметрально противоположные по своим коннотациям, употребляясь при семантически разнопорядковых предметах, олицетворяющих отдых и работу.

Иногда противопоставление словосочетаний усилено по признаку **одушевленности / неодушевленности**: «...he returned from New Zealand, where the **beaches** are long, white and clean, and the **girls** likewise». В данном примере проявляет себя еще один способ экспликации имплицитно заложенной авторской модальности: происходит **одновременная реализация двух лексико-семантических вариантов** прилагательных **long, white and clean** (**long** и как характеристика протяженности пляжей, и как признак длины ног; **white** и как цвет прибрежного песка под палящим солнцем, и как светлая, бледная кожа человека; **clean** как признак чистоты пляжей, и как характеристика ухоженной внешности). Те же прилагательные, употребленные по отношению к **girls**, создают еще и **синекдоху**, построенную на отношениях части и целого. Понятно, что сами по себе представительницы прекрасного пола не могут быть длинными и белыми.

Текстовая модальность проявляется в использовании разного рода повторов. В тексте с настойчивым постоянством в начале нескольких абзацев и в качестве односоставного предложения звучат причастия **swimming, sinning, shamming**: «Swimming, sinning, shamming. Water blinding eyes, defeating ears, to sights that should not be seen and sounds that should not be heard».

Помимо лексико-синтаксических повторов весомой вехой на пути наращивания авторской модальности по ходу развития сюжета является, так называемая, повторяющаяся художественная деталь. Автор-повествователь постоянно обращает внимание читателя на распухшие от слез глаза главной героини Леды: «**Her eyes** were pink and smarting...**her eyes** hurt... When Leda came home from swimming pool, **her eyes** would pink and swollen». В противовес глаза главного героя Гозлинга описываются как «his fine dark eyes». Кульминацией развития авторской модальности становится ее полная экспликация: «**He didn't understand her. Leda cried. The more she cried by night, the faster she swam by day, eyes tightly closed against water out, or water in**». Сравнительная степень наречий, передающая причинно-

следственную связь между явлениями, усиливает динамику избавления героиней от внутренней боли через физическое действие: действовать, чтобы не думать, делать что-то, чтобы заглушить душевную боль.

Проявившаяся аналогия «water-tears» знаменует собой появление в тексте интертекстуальной аллюзии на греческий мифологический сюжет: «Leda cried. **Naiad, child of tears, creature of mythology.** If you wandered round **Mount Olympus**, you could always find a Naiad weeping in the corner of some pool, half tree, half water, all female: creating the tears that filled the pool, that gave you enough to swim in». Греческая нимфа Naiad дала название одному из видов водорослей, которые не мыслят свое существование без воды. Сравнение героини с нимфой и с растением выявляет нежное, внимательное отношение автора к героине, проявляет веру автора в эту молодую женщину.

Наконец, заголовок рассказа является, пожалуй, главным имплицитом данного текста, но «оживает» и наполняется истинным смыслом только после возвращения к нему по мере развития сюжета (категория ретроспекции). Leda and the Swan. Сразу две метафоры в заголовке! С одной стороны, для его декодирования необходимо привлечь интертекстуальную пресуппозицию (предварительные знания) в виде аллюзии на мифологический сюжет о Леде, царице Спарты, и Зевсе, плененном красотой Леды, явившемся к ней в образе Лебеда и пленившем ее. С другой стороны, на помощь приходит горизонтальный контекст по ходу повествования, вступая в резкое противоречие с заголовком: стремясь стать лебедем, Гозлинг всем образом своего поведения по отношению к Леде (Эйлин) напрочь лишает себя такой возможности. Авторское скрытое неодобрение строится на антонимии образов «Swan (лебедь) – Gosling (гусенок)»: сознательно используя на входе в текст «the swan» и далее знакомя читателя с героем, на выходе из текста мы убеждаемся в явно осуждающей героя авторской модальности. Что касается Эйлин, модальность носит противоположный характер: в данном случае можно говорить о совпадении положительной семантики заголовка и всей линии поведения героини. Усиливает положительный эффект и тот факт, что сама героиня Ледой себя отнюдь не ощущает, ее реальное имя Эйлин!

Весьма необычным на первый взгляд является первое предложение рассказа: «**When Gosling** was two, his body was **smooth**, plump and bronzed.» Во-первых, два семантически неоднородных слова сталкиваются в одном предложении: Gosling (гусенок) и smooth (гладкий) для характеристики «гусиной кожи», которая, как известно, этим качеством не обладает. Если добавить сюда еще и тот факт, что герой с раннего детства испытывал некую ревность по отношению к своему младшему брату, которого мать назвала Duckling, становится вполне ощутимым внутренний конфликт героя, а авторская модальность носит пока выжидательный снисходительный характер. Во-вторых, использование на входе в текст подчинительного союза when являет собой транспозицию предшествования, когда создается как бы иллюзия уже состоявшегося знакомства с героем, импликация предшествования, эффект начала с середины. Всё вместе в первом предложении выражает еще вполне нейтральную авторскую модальность: автор, кажется, склонен убедить читателя в несомненной роли матери в зарождении внутреннего конфликта героя, доказательством тому служит второй абзац: «She called the older one Gosling in pure affection, and the younger one Duckling, which was even more affectionate. Gosling once pushed Duckling under the bath water, but fortunately help came in time: **for Duckling, that is not Gosling**». Обратим внимание на переход от первого предложения ко второму: наличие бессоюзной связи между совершенно несогласованными высказываниями «сталкивает их лоб в лоб», насильно сближает, а введение во второе предложение несобственно-прямой речи героя способствует кардинальному сближению этих высказываний, проводя между ними причинно-следственную связь.

Создавая словесный портрет своего героя, автор прибегает и к иным языковым средствам, а именно к полисиндетону в виде повторяющихся союзов и обособленных конструкций, содержащих эмоционально окрашенные по своей природе междометия: «Gosling swam **and** dived **and** ducked **and** lashed about». Сам по себе полисиндетон указывает лишь

на исключительное пристрастие героя к воде, однако, взаимодействуя в тексте со следующим предложением, приводит к иным выводам: «He was, **oh yes he was**, the real water baby his mother had defined». Нарочитый пафос второго предложения эксплицирует ироничную модальность автора по отношению к чрезмерному увлечению героя плаванием.

Подтекст, или содержательно-подтекстовая информация, с момента прочтения заголовка, озадачивает читателя, стремится занять лидирующее положение по отношению к содержательно-фактуальной информации, но декодируется в тексте самим текстом. Происходит некая инверсия на уровне текста!

Так постепенно приращиваемые смыслы заявляют о себе и выявляют в конечном итоге авторское отношение к ситуации и героям: к примеру, нейтрально-снисходительное к герою в начале рассказа с эволюцией в сторону иронично-пренебрежительного в конце. Следует, однако, отметить, что отрицательная имплицитная, а иногда и эксплицитно выраженная модальность автора далеко не всегда направлена на представителя, так называемой, сильной половины человечества. В задачи данной работы не входило развенчание мифа об исключительно феминистской направленности творчества Фэй Уэлдон.

Безусловно, художественный текст требует к себе пристального внимания со стороны каждого читателя, *лично* знакомящегося с ним и возвращающегося к нему, поэтому в поле нашего зрения в силу своей множественности и многогранности вошли не все имеющиеся в рассказе языковые средства актуализации авторской модальности.

В итоге на примере рассказа можно говорить о выявлении ряда языковых средств актуализации субъективно-оценочной модальности автора.

Фразовая субъективно-оценочная модальность эксплицируется при помощи:

1. отдельно взятого знаменательного слова, чаще прилагательного или наречия;
2. словосочетания по типу прилагательное + существительное, глагол + наречие;
3. одновременной реализации двух лексико-семантических вариантов многозначного слова;
4. опоры на метафоры и метонимии;
5. включения в обособленные структуры текста междометий;
6. при помощи вводных конструкций;
7. бессоюзной связи между заведомо семантически неоднородными частями сложного предложения;
8. использования полисиндетона.

Текстовая же модальность ощущается:

1. в употреблении разного рода повторов (лексических; структурных в виде параллелизма синтаксических конструкций или абзацев; стилистических в виде повторно употребляемых тропов);
2. в комбинировании – соотношении разных языковых средств;
3. при помощи иных текстовых категории, например, ретроспекции на примере заголовка.

Действительно, текстовые категории причудливо переплетаются между собой, подтверждая тем самым лингвистическую аксиому о невозможности интерпретации текста в чистом виде при помощи отдельных его категорий. В данной статье мы лишь попытались в чуть более укрупненном виде представить авторскую модальность как одну из текстовых категорий в ее субъективной имплицитной ироничной форме. Более глубокое исследование такого рода представляется возможным при обращении к интертекстуальным пресуппозициям, охватывающим всё или, по крайней мере, большую часть творчества избранного писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 1966. – 608 с.
2. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста: Учебник для вузов по спец. «Филология» / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2000. – 534 с.
3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М., 1981. – 140 с.
4. Кун, Н.А. Легенды и мифы Древней Греции / Н.А. Кун. – Алма-Ата: Жалын, 1985. – 384 с.
5. Походня, И.С. Языковые виды и средства реализации иронии / И.С. Походня. – Киев, 1989. – 111 с.
6. Collins Concise Dictionary. – Third Edition. – London, 1992.
7. Weldon, F. Leda and the Swan / F. Weldon // Wicked Women. – New York: the Atlantic Monthly Press, 1997. – P. 112-125.

Материал поступил в редакцию 10.08.17.

ON SOME LINGUISTIC MEANS OF SUBJECTIVE EVALUATIVE MODALITY ACTUALIZATION OF AUTHOR OF LITERARY TEXT

M.Ye. Taff, Senior Lecturer

Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg), Russia

***Abstract.** This article deals with the hidden subjective evaluative modality of author in works of flash fiction on the example of the Leda and the Swan story by Fay Weldon from the collection of stories Wicked Women. As a result of the linguistic analysis of the literary text a number of multilevel linguistic means of modality actualization of authors as way of actualization of their individual worldview is marked out. The focus on an author's modality as potentially text modality allows to draw the conclusions, which are relevant for further linguistic researches of the literary text.*

***Keywords:** text, text category, modality, subjective evaluative, implicit, literary, actualization, linguistic means.*

УДК 1751

КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ КУЛЬТУРЫ

С.А. Давыдова¹, А.И. Литвинчук²¹ старший преподаватель, ² выпускник

Белорусский государственный университет (Минск), Республика Беларусь

Аннотация. Вопрос о значении культурно-маркированной лексики является важным элементом в межкультурных и межъязыковых контактах. В статье освещаются вопросы, связанные со способами перевода культурно-маркированной лексики, особое внимание уделяется плавающей категории подобных слов-реалий. Изучение способов передачи реалий при переводе художественных произведений определяется возрастающим интересом к исследованиям языков на различных уровнях, тенденцией к изучению взаимосвязи языка и культуры, так как именно в культурно-маркированной лексике отображается специфика мышления каждого народа. Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью роли культурно-маркированной лексики при переводе художественной литературы, что зачастую приводит к снижению ценности восприятия художественного произведения.

Ключевые слова: культурно-маркированная лексика, слова-реалии, плавающие реалии, фоновая лексика.

Своеобразие культуры народа, которое нашло свое отражение в языке, наиболее ярко проявляется в лексике национального языка и закрепляется в виде культурного компонента в семантике группы слов, которые называются культурно-маркированной лексикой. Культурно-маркированная лексика представляет собой совокупность лексических единиц, являющихся непосредственными носителями информации о специфических чертах культуры данной языковой общности.

Язык, являясь отражением культуры ментальности нации, содержит национально-культурный код. Связь между языком и культурой наиболее ярко представлена на лексическом уровне, в частности, на уровне культурно-маркированной лексики, отмеченной различиями национально-культурных картин мира. Люди в различных культурах воспринимают, чувствуют и переживают мир по-своему, тем самым, создавая свое представление и образ о мире. Мы воспринимаем культуру другого человека через призму своей культуры, что и приводит к возникновению непонимания, а порой и отрицанию чужих реалий жизни. Таким образом, изучение культурно-маркированной лексики помогает достичь адекватности и эквивалентности при переводе и, как следствие, способствует взаимопониманию между представителями различных национальностей.

В современной лингвистике под культурно-маркированной лексикой понимают реалии (слова, обозначающие предметы и явления только одной культуры и народа, не существующие в другой культуре, как например в белорусском / английском языках: *андарак* – *a long skirts made of homespun material*, *бліны з мачанкаю* – *pancakes with a sauce made of flour, meat, fat, smoked ham and ribs*) и фоновую лексику (слова, обозначения которых есть

в различных культурах, но национальный фон совпадает не точно: *кулага* – *tess*, *вянок* – *net*).

В свою очередь, частично культурно-маркированные лексические единицы можно подразделить на денотативно-маркированные (т.е. обладающие культурно маркированным денотатом): *хлеб* / *bread* (разный внешний вид, разная частота употребления в пищу), *свадьба* / *wedding* (разные способы совершения свадебного обряда) и коннотативно-маркированные (т.е. обладающие культурно-маркированным коннотатом): *целоваться* / *to kiss* (для японцев за данным словом закреплены значения запрета и моды западного влияния, поскольку до недавнего времени было не принято целоваться не только на публике, но и в семье, тогда как для европейца за ним закреплено значение выражения положительных эмоций). Слово «хлеб», к примеру, имеет и коннотативную составляющую, различающуюся в зависимости от культуры, однако не принципиальную с точки зрения сближения культур. Лексические единицы с культурно-маркированным денотатом семантизируются посредством предъявления визуальной (о значении картинки с изображением японского хлеба можно догадаться, несмотря на некоторые внешние отличия его от русского; с другой стороны, такая картинка позволит выделить различия японского и русского хлеба) и языковой наглядности (ситуация) [1].

Специфика культурно-маркированной лексики не всегда признается и осознается носителями языка монолингвами, т.к. не обладает каким-либо лингвистическим статусом. Однако данная специфика очевидна для представителей других культур и выявляется именно при сопоставлении языков. В системе другого языка зачастую отсутствует эквивалентное понятие, поэтому большую сложность представляет поиск адекватных соответствий культурно-маркированных единиц. В переводоведении существует несколько вариантов решения этой проблемы, однако универсального алгоритма не существует [2, с.35].

Как уже отмечалось, язык является одним из основных средств процесса коммуникации между культурами и собственно неотъемлемой частью культуры. Прикоснуться к другой культуре возможно, в частности, изучая литературу других народов, тем самым, погружаясь в атмосферу иной жизни, иного уклада, иной действительности. Культурно-маркированная лексика, отражая национальную специфику какого-либо народа, охватывает огромный пласт языка, в котором единицы культурно-маркированной лексики выражают национальное своеобразие фонда языка, народа и культуры.

Анализ культурно-маркированной лексики представляет большой интерес, поскольку как уже говорилось выше, в художественном произведении они играют большую роль. Национально-культурная семантика таких языковых единиц дает возможность окунуться в культуру носителей языка, а также соприкоснуться с фоновыми знаниями иноязычной культуры. Поскольку, читая произведение, в котором присутствует другая культура, читатель неизбежно сталкивается с реалиями другой культуры, отсюда возникает потребность ее более детального исследования. Таким образом, для достижения максимального восприятия читателем художественного произведения и ощущения «полноты вкуса» от прочитанного, необходимо, чтобы для читателя не было «белых пятен» при чтении литературы иностранных авторов. То есть информация, которой обмениваются писатель и читатель на родном языке, должна быть тождественна содержанию в тексте на другом языке. Однако языковое семантическое содержание в текстах на разных языках не может быть тождественным, так как отражает специфические особенности строя языка оригинала и языка перевода. А это в свою очередь требует признания зависимости семантики языка от культурной среды переводчика и его индивидуальных фоновых знаний.

Существуют разные способы перевода подобной лексики, самыми распространенными из которых являются: описательный перевод, эквивалент, калькирование, а также транскрипция / транслитерация. Иногда переводчик не обладает необходимыми фоновыми знаниями и тогда он может просто опустить в переводе подобные слова. Например, в произведении В.С. Короткевича «Дикая охота короля Стаха» в переводе Олегом Колинко на немецкий язык некоторые слова-реалии просто отсутствуют: *кулага*, *андарак*, *кабці*, *яшчура*, *карбач* (как орудие труда), *пуд*, *урочышча Разбіты Рог*, *карбач* (как оружие). Можно предположить,

что переводчик не смог найти подходящего эквивалента или не обладал достаточными фоновыми знаниями. Также достойны внимания так называемые плавающие реалии (термин наш – С.А. Давыдова, А.И. Литвинчук), т.е. культурно-маркированная лексика, которая может относиться сразу к нескольким категориям (например, *пан*, *карбач*). Слово *пан* относится как к категории реалий обращения / ругательства / обзывательства, так и к сословию, а слово *карбач* имеет два значения (может относиться как к орудию труда, так и к оружию).

Таким образом, культурно-маркированная лексика выступает как своего рода «хранитель» и «носитель» страноведческой информации. Кроме того, она расширяет и обогащает лингвистические знания. Поэтому переводчику, работающему в сфере кросскультурной коммуникации, необходимо обладать межкультурной компетенцией, одним из компонентов которой является культурно-маркированная лексика, которая позволяет языковой личности выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караткевіч, У.С. Дзікае паляванне караля Стаха : апавесць / [маст. М. С. Басальга] / У.С. Караткевіч. – Мінск: Беларусь, 2008. – 143 с.
2. Яшина, М.Г. Культурно-маркированная лексика как междисциплинарная область исследования. Тезисы докладов участников конференции Ломоносов – 2009 / М.Г. Яшина // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов-2009", 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация / МАКС Пресс. – Москва, 2009. – С. 35-36.
3. Подразделение культурно-маркированных лексических единиц [Электронный ресурс] / Подразделение культурно-маркированных лексических единиц. – 2005-2013. – Режим доступа: http://www.english-by-phone.ru/Подразделение_культурно_маркированных_лексических_единиц/. – Дата доступа: 07.08.2017.
4. Kolinko, Oleg. Titel der russischen Ausgabe: Дикая охота короля Стаха / Oleg Kolinko. – Berlin.: Verlag Neues Leben, 1985.

Материал поступил в редакцию 09.08.17.

CULTURE-SPECIFIC LEXIS AS A REFLECTION OF NATIONAL CULTURAL IDENTITY

S.A. Davydova¹, A.I. Litvinchuk²

¹ Senior Lecturer, ² Graduate

Belarusian State University (Minsk), Republic of Belarus

Abstract. *The issue of the culture-specific lexis's value is an important element in cross-cultural and interlingual contacts. In this article, the issues of the culture-specific lexis's translation ways are considered, the special attention is paid to the floating category of such realia. The studying of realia transfer ways at the fiction translation is defined by the increasing interest in languages researches at various levels, by the tendency to studying of interrelation between language and culture as the specifics of thinking of each people are displayed in the culture-specific lexis. The relevance of this paper is caused by insufficient investigation of the culture-specific lexis' role when literary translation that often leads to decrease in value of the fiction perception.*

Keywords: *culture-specific lexis, realia, floating realia, background lexis.*

УДК 821.112.2

«БУДНИЧНЫЙ ЯЗЫК» В ПОЭЗИИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ КОНКРЕТИСТОВ

Л.М. Садко, кандидат филологических наук, доцент
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Беларусь

***Аннотация.** В современной литературе распространённым становится обращение к аграмматичным единицам языка, к созданию текстов на основе подчёркнуто разговорной, ненормированной повседневной речи. В творчестве немецкоязычных конкретистов реализуются опыт полистилистического письма и апелляции к урбанолектам и диалектам; демонстрируются образ жизни, манера говорения, ценности современного общества; актуализируется социальная проблематика.*

***Ключевые слова:** конкретная поэзия, «будничного языка», «разговорный язык», поэзия на диалектах, поэзия на урбанолектах.*

Термин «конкретная поэзия», или «конкретизм», «конкрет-движение», стал условным наименованием целого ряда разнородных явлений в австрийской, бразильской, немецкой, швейцарской, итальянской, американской литературах. В творчестве конкретистов наблюдается доминантная тенденция – через эксперименты с языком освободить энергию конкретного слова, не зависящего от грамматики и пунктуации. Теоретик и практик конкретизма Ф. Мон подчёркивает, что «первичным элементом конкретной поэзии является слово, а не предложение, как это свойственно всякой другой литературе, будь она традиционная или же современная» [1, с. 95].

Группа стихов «будничного языка», иными словами, обиходно-разговорного, обыденного, «языка гастарбайтеров», стихов на диалекте – особый отклик немецкоязычных конкретистов на проблемы современного состояния языка. Для преодоления традиционности конкретисты обращаются к обиходному языку, диалектам, заплетающемуся косноязычию малообразованных, но думающих людей. В некотором смысле стихи «будничного языка» считаются экспериментальными, но, по сути, являются скорее «возвратом к корням», основываясь на сохранившихся издревле словоформах и традиционной манере говорения, иллюстрируя образ мыслей «среднего человека», большинства. Заметим, что слово из «будничного языка» лишается конкретистами особого статуса поэтической, рафинированной лексики. В некоторых аспектах язык таких стихов приближается к соц-арту (использование «военного» языка лающих команд, эксплуатация профессионализмов).

Составной частью стихов на «будничном языке» является поэзия на диалектах, которую конкретисты и примыкающая к ним «венская группа» активно развивают. Диалектные произведения зачастую наполнены задушевностью, лиризмом, провинциальной неспешностью (в австрийской литературе это, к примеру, пейзажные, медитативные стихи Й. Вайнхебера). Однако в диалектной поэзии конкретистов и представителей «венской группы» распространена, скорее, эстетика отрицания, интонация иронии и чёрного юмора. Так, Х. К. Артманн буквально постулирует в заглавном стихотворении сборника «Чёрными чернилами» («Mit schwarzer Tinte»):

Nua ka schmoez how e hogt!
Nua ka schmoez ned ...
reis s ausse die heazz dei bluadex
und han s owe iwa ra brukglanda

Только никакого смальца я сказал!
Только никакого смальца ...
вырви его своё сердце окровавленное
и выброси его за перила моста

Стихотворение заявляет отказ от тематики провинциальной идиллии и простодушия, правдивыми красками рисует картину жизни в послевоенной Вене. И в целом тексты Артамана, написанные на венском диалекте, созданы на контрасте между читательским ожиданием и авторским воплощением, насыщены персонажами садистских стишков, а фольклорные мотивы переосмыслены автором в духе сюрреализма. Даже детские песенки превращаются в тексты с ужасающими подробностями поедания непослушных детей оборотнями, катание на каруселях чревато соседством с кем-то зелёноволосым, а сказочным Грете и Гензелею прямая дорога в ад.

О. Гомрингер отмечает: «Вопреки ожиданию, во многих случаях, они (диалектные стихи. – Л. С.) являются не только звуковыми стихами, но и, по сути, визуальными» [2, s. 165]. На самом деле, взгляд читателя «цепляется» за диалектные шероховатости, останавливается на них, давая возможность реципиенту по-новому увидеть знакомую картинку, привычное слово. Голоса провинциальной улицы слышатся в стихотворении Э. Яндля «бэээ» («bäää») [4, s. 27], основанном на приёме ономотопеи. Здесь автор использует и звукопись, воссоздающую шум улицы захолустья, потревоженного происшествием, и имитацию говорения с речевыми ошибками:

bäää	бэээ
daaa	дааа
wuallitzaaa	вулитца
wuallitzaaa	вуалитцааа
haun	изобью
schünkint	драной мальчишка
haun	изобью

В русле стихов на «будничном языке» Э. Яндль делает ещё одно поэтическое открытие в живой речи – это речь иностранцев, инофонов, пользующихся неродным языком. Герой стихотворения «калипсо» («calypso») [4, s. 18] средствами неродного языка, который он знает, очевидно, слабо, пытается выразить впечатление от новой страны. Он по-детски, вопреки правилам, нанизывает знакомые ему иностранные слова и этой мешаниной передаёт степень новизны и восторга, смешения чувств от новых впечатлений:

ich was not yet	я was not yet
in brasilien	в бразилии
nach brasilien	да в бразилии
wulld ich laik du go <...>	вуд я лайк ту го <...>

Лирический герой поздних произведений Э. Яндля вообще по преимуществу начинает говорить на «будничном языке», который сам поэт называет «Alltagssprache» («разговорный язык») или «heruntergekommenesprache» («опустившийся язык»). Герой не поддаётся однозначной характеристике: практически нет определяющих его возраста, пола, социального положения. В стихотворении «здесь только день» («hier sein ein tag») [5, s. 138] о герое общается, что он так мал, что «даже карлики пугают как великаны». Это может быть ребенок, взрослый с ограниченными возможностями, иностранец. Подобную скованность языка следует рассматривать не как грамматико-пунктуационный дефицит, ущербность, а как особую речь, чей смысл раскрывается лишь внимательному слушателю и читателю. Стихи на «будничном языке» воссоздают целую панораму мира, горького и безжалостного к человеку, который не способен ни что-либо изменить, ни смириться:

einen sprach ich ja haben
 der sich in mir drehen um und um
 und doch sein ich den meisten zeit stumm
 denn wo sein kein ohren
 dort sein auch kein mund
 außer für essen trinken rauchen

я говорилку одну имеют
 себя во мне поворачивают туда сюда
 но в большинстве я безмолвно
 так как где никакие уши
 там можно находиться без рта
 кроме как для едят пьют курят

Текст этого яндлевского стихотворения «без рта» («kein mund») [5, s. 191] сознательно выстроен на аграмматичном, презирующем все нормы словоупотребления языке, чьё состояние передаёт повреждённое, измученное сознание личности. Использование в этом тексте сниженной лексики, просторечий, особая интонационная организация стиха создают впечатление спонтанности, доверительности повествования, добавляют особую эмоциональную выразительность. Исходный пункт подобных текстов – «языковая одержимость» («der Sprachbesessenheit»); новым языком становится «пустота, тишина, внутреннее молчание, паралич чувств и мышления» [3, s. 91].

Таким образом, своеобразной находкой конкретизма становится децентрализация поэтического языка, функциональный подход к слову, обращение к просторечию, «будничному языку», диалектам и урбанолектам, что открывает новые возможности для экспериментов с поэтической лексикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мон, Ф. О поэзии плоскости / Ф. Мон // Экспериментальная поэзия. Избранные статьи / сост. и общ. ред. Д. Булатова. – Кенигсберг – Мальборк, 1996. – С. 171–175.
2. Gomringer, E. Definitionen zur visuellen poesie / E. Gomringer // Konkrete poesie. Deutschsprachige autoren. Antologie von E. Gomringer. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1996. – 176 s.
3. Hamburger, M. Ernst Jandl: Die schöpferischen Widersprüche / M. Hamburger // Ernst Jandl. Texte, Daten, Bilder / hrsg. von K. Siblewski. – Frankfurt-am-Main: Sammlung Luchterhand, 1990. – S. 85–94.
4. Jandl, E. Poetische Werke: in 11 Bde. / E. Jandl; hrsg. K. Siblewski. – München: Luhterhand, 1997. – Bd. 3: Sprechblasen. – 186 s.
5. Jandl, E. Poetische Werke: in 11 Bde. / E. Jandl; hrsg. K. Siblewski. – München: Luhterhand, 1997. – Bd. 7: Bearbeitung die Mütze. – 210 s.

Материал поступил в редакцию 24.07.17.

“EVERYDAY LANGUAGE” IN THE GERMAN CONCRETE POETRY

L.M. Sadko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
 Brest State University named after A.S. Pushkin, Belarus

Abstract. *There is a new tendency in the modern literature to use ungrammatical language constructions, to create the texts based on exaggeratedly colloquial language and profanity. The German speaking concrete poets reveal the experience of polystylism and appeal to urban languages and dialects, demonstrate the way of life, the values of modern society, mainstream social problems.*

Keywords: *concrete poetry, everyday language, colloquial language, dialects and urban languages poetry.*

UDC 882.1751

THE ARTISTIC ORIGINALITY OF A. DRABKIN'S STORY "KRASHENKI"

D.S. Abdurazakova, Master's Degree Student
Sholem Aleichem Amur State University (Birobidzhan), Russia

***Abstract.** This article describes the work of the famous contemporary writer and poet of the Jewish Autonomous Region Alexander Drabkin. The story "Krashenki" is analyzed from the point of view of the genre, themes, problems and compositions.*

***Keywords:** literature of the Far East, Drabkin, duality of nationalities, theme of memory, "Krashenki", retrospection, story-recollection, polyphonic form of the story.*

Alexander Leonidovich Drabkin is the author of the poetry collections "I do not see any obstacles", "We are from Birobidzhan", "On the road to winter", as well as essays and stories (a member of the Russian Writers Union).

He was born in Birobidzhan on November 20, 1959 in a family of Jewish immigrants from Ukraine. In 1975 he graduated from the school, then, after two attempts to enter the law faculty, Alexander was sent to the military service to Angarsk city. Alexander Drabkin worked "in many places". He was a loader, turner, bayan player in the pioneer camps, secretary of the Komsomol committee, correspondent, editor of the newspaper, after graduating from the All-Union Correspondence Institute, he began his work in the prosecutor's office. Now he is the forensic criminalist of the region.

A. Drabkin belongs to the number of authors who gladly talk about their work. A lawyer by education, a writer by vocation, he began his creative work in 1985. The beginning writer was directed by a prominent Birobidzhan writer and journalist Leonid Shkolnik. He began as an essayist, tried his hand at poetry, and then stories appeared. A. Drabkin's work is devoted to themes of the past, memory, immigration, philosophical understanding of the phenomena of reality. But a special place in the writer's work is the theme of a family. The topic is widespread and universal in literature, which is always connected with such well-known concepts as love, childhood, upbringing, nostalgia, etc.

The real destiny of the country, our people, the writer himself is in all written by the author. Drabkin came to literature with the original vision of the world that is typical only his inherent manner of writing. At first glance, the ordinary world of the heroes of Drabkin's works turns out to be inimitable and unique under close examination. We can see his creative manners of writing by his first works.

Both in poetry and in prose, we can see a search of own style in reflecting many problems of our time, we also can see a fundamentally new figurative-stylistic system in which signs of "duality of nationalities" appear. Here we can observe the process that M. Bakhtin characterized in the following statement: "One meaning reveals its depths, encountered and touched with another word, a kind of dialogue begins between them that overcomes the isolation and one-sidedness of these meanings, these cultures. We put new questions to another culture, which it did not put to itself, we seek an answer to these questions in this culture, and another culture answers us, opening new sides

and new semantic depths to us" [1, c. 72].

A. Drabkin's prose that highlights a human character, demonstrated its ability to develop and true innovation.

The most popular for a wide range of readers was the story "Krashenki". "Krashenki" was printed in 1990.

"Krashenki" is a reliable family chronicle. It is the slow, laid-back and story. The word is with the original setting for absolute certainty. The installation of reliability is the main principle of the organization of artistic narration almost of all works of the writer.

Of course, the author could not be a witness of these events and experiences. He relied on the stories of his mother, relatives, from whom "he heard a lot". Today, through the tens of years, when we all breathe the air of mutual ill-will, enmity, hatred and aggressiveness, "Krashenki" story opens in front of contemporaries the world of human relationships that is seemed to be lost for us. The writer was able to see in the ordinary history of his ancestors a significant, generally interesting content and decided to make this story, such as it is, without imagination and without embellishment. The author wanted to make this story the property of literature. This thing requires not only a special artistic gift, but also special moral qualities, "not fashionable" in our time, and special psychology – from centuries preserved psychology of family "tradition". In these kinds of "legends" the age-old family wisdom was found, it contains the experience of ancestors that is intended for posterity.

The story "Krashenki" is close to the autobiographical composition, in which the memory of the soul is transferred. The dialectic of personal memory is conditioned by the archaic worldview, which is inherent in the perception of a particular person, primarily as part of the genus. Drabkin moves in the mainstream of two traditions: Russian classical and traditional Jewish literature and creates a completely unique work, the genre of which can be defined as a story-memory, story-apperception. The specific complexity of the narrative genre is another proof of the writer's expression of his creative "myself", it is no coincidence that M. Bakhtin was convinced that "the author's search for his own words is basically a search for a genre and style, a search for an author's position" [2, c. 334].

Retrospection determines the poetics of this work, its spatial and temporal organization, a unique composition in which the pictures of the present and the past are intertwined with the author's reflections. Memories give the story that composite harmony, the integrity that would be impossible in the depiction of reality. The author's memory becomes a link between the past and the future. Talking about writer's memories, the writer, thus, tries to rethink his life anew. The author's memory builds its own sequence of event series, becomes an important topic of the story, and the process of remembering is a structuring device. Therefore, time in the work develops at the expense of memories, and the personal facts and events are related to the historical, social, moral and ethical context of life.

Thus, the artistic space of "Krashenki" is divided into "here" and "there". The time distance is specially emphasized by the author – this is a typical installation of autobiographical works, which are built as memories of the past.

The poetics of the story has the huge impact on a reader. This is both psychology and the rhythmic-melodic basis of the work, lyricism, the "singularity" of the plot, the peculiar length of artistic time and space. Integrity is attached to the constant view of the author, his feelings, individual "inner vision". The "image of the author" appears as a constructive element of the whole work. "The author, as a rule, sets out what he experiences, observes, being both the acting person and the narrator" [12, c. 5].

The writer turns to the real story of his own family. The plot of this story has the fate of million people throughout the country. The soul asked to splash out, to share everything bright, valuable, all those that are pleasant and bitter to remember. Indeed, A. Drabkin portrayed the situation as particularly tragic and reproduced the atmosphere of kindness in which the country lived, in one of the most difficult periods of the twentieth century – the Great Patriotic War.

The author's observation over the one family tradition became the basis for the work: "I would be a narrow-minded person if I suddenly suspected my mother Riva Yakovlevna, an old communist, in religiousness. But I do not consider myself narrow-minded, though I see with my own eyes how my mother paints eggs on the eve of Orthodox Easter As for Russian Easter, my mom, a Jewess, kill me, I could not say until this April" [5, c. 45].

The thematic core of the story is heroic. The main heroine of the story is the writer's grandmother Esther Moiseevna Gershtein. It was she, a thoroughbred Jew who piously observed Jewish traditions. For some reason she never prevented children from painting eggs on Orthodox Easter, moreover she painted with them too. She lived in the settlement of Birakan, worked as a seamstress, had a large family and was its head: "The head is very noisy, which earned her the nickname Estherka the Gramophone". I take the liberty of asserting that no one in the Obluchensky district has sewed better, and no one has quarreled with the customers like her.

"What is with Estherka?" She screams as if she lost all the bread cards at once.

– Come off it, Estherka is just trying on" [5, c. 46].

The author speaks ironically of his grandmother and depicts her in contrast: "Kindness and cruelty got along in her and did not interfere with each other. She godlessly beat her children, but she fed her neighbors with bread".

– Come here, take it! – She screamed to the child and held out a piece ... And try to tell her at this moment: –Esther, you have a family – Mishka is like a skeleton, and it frightens to look at Mani and Rivka".

– They will not die, she answered. – I will help – they will help me" [5, c. 47].

In the image of the grandmother that is created by the writer, it is possible to identify some important features, or, using V. Ya. Propp's term, attributes that are traditionally associated with the archetype of the "hero-ancestor" [10, 66]. So, curiously enough, one of the most important features of Esther's character, ascending to this archetype, is her hot temper and cruelty. But for all her outward rudeness and scandalousness, Estherka the Gramophone is a gentle and kind person. Life losses and sufferings only more clearly manifested in her a measure of the human. According to E.M. Meletinsky, a typically paradoxical combination of the properties of a character is typical for her: "This unity of opposites in the image of the hero is her obstinacy against the background of epic harmoniousness - is an important specificity of the being studied archetype" [12, c. 26].

In the summer, Riva's daughter was sent to a pioneer camp, in order to "there would be less misfortune in the house" [5, c. 45]. From birth the laws of the hungry time teach the children to share "brotherly". At the appointed time Mishka appeared at the camp fence, through which Riva gave him a related "portion". The author recreates in details the image of Mishka, who is skinny, swarthy, harsh and pugnacious, chronically hungry. On the day of Riva's return from the camp, Mishka and Mayka are waiting for the long-awaited gift – a baked bun from the festive pioneer dinner. The climax of the story is very expressive. And this expression is more internal than external. At the last moment, when a long-awaited piece with a baked bun is already at home and happy children holding it in their hands, the mother, suddenly with a bitter tired voice, asks the children to take the baked buns to neighbors:

"– Rivochka, uncle Vanya Tolstikov, probably will soon die, we must take the baked buns to him ...

– Uncle Vanya, probably, will die and asks for something baked. In the morning old Tolstikova came. Go, bring it. The war will end – you will have time to eat plenty of food, but he maybe does not have this time... Mayka whines after"[5, 46]. It is difficult even to imagine the mother's feelings of "snatching" a piece from her hungry children for the sake of the last will of the dying man. With this episode, the motive of a "victim" appears in the story.

"When you are hungry, – the Russian philosopher Nikolai Berdyaev wrote, – this is a biological problem. When a person is hungry nearby you, your brother, this is already a moral problem" [3, c. 314].

Esther's neighbor Tolstikov dies, and in the spring, when the famine in the village becomes

completely fierce, Tolstikov's grandmother comes to Esther Gershtein and brings boiled potatoes, a earthenware pot with milk, a Easter cake and five painted eggs:

“– Take it, you helped Vanya that time... Take it and do not offend. And Tolstikov's grandmother burst into tears, but she was not immediately heard because Estherka the Gramophone began to cry after her” [5, 45]. Since then, grandmother Tolstikova until her death every year congregated Easter with the Gerstein.

In the final of the story the author notes: “All of them are already retired: Uncle Misha, my Mom, Aunt Maya. They are not devout and not believers. But in the spring they paint eggs for the Orthodox Easter. And they do like this every year until this day” [5, c. 46].

The intertextual connection brightly emerges with the New Testament Easter in the story. The brought Krashenki acquire sign, amplify and are perceived as a symbol. Krashenki become a family covenant, with which the motif of the “descendant” appears in the story, the motive for inheriting the moral laws of the family. An interesting detail of the story is that it does not have the word “God”, but there are God’s covenants, the laws by which people live during the most terrible years of the Soviet era.

Easter is one of the main Christian holidays, Easter is deeply symbolic. Krashenki is a symbol of the unity of all before God that helps to restore human mutual understanding. An egg is the symbol of life, and the Easter egg is the symbol of eternal life.

The comparison of the story “Krashenki” with L. Andreev's story “Bargamot and Garaska” involuntarily suggests itself, where in the last of the stories the Easter egg also becomes a symbol of charity, rapprochement, mutual respect. The egg also becomes an indicator of love for one's neighbor. The image of Esther Gerstein is the embodiment of the social and humanistic tradition that was begun in Russian literature by D.I. Fonvizin: “Have a heart, have a soul, and you will be a man at all times”.

The story abounds with accurate phrases, phrases that are filled with bitter Jewish humor, successful comparisons that testify about the writer's skill. The author's narrative speech is analytical. In the course of his reasoning, the writer puts questions and, responding to them, makes inferences. For example: “Many things in our life cannot be explained, and children too. I am not at all about how they come into the world. I am talking about something else. Why the life is poorer, the more children are born in it? And they grow, clinging to each other's feet, and not the way Isaac baptized for the legs of his brother Esau, not allowing the first to see the light of God, but quite the contrary. They clung to the fact that only standing on their own feet, quickly put the shoulders in a severe team of life” [5, 47].

Formally, the plot of the story can be defined as cumulative, but due to the special construction in the story of time and space, cumulative behavior is violated. The plot develops as it were round-robin, returning to the real author of the time: “It continues to this day”. The conflict of the story is also unusual. There is a confrontation in the soul of the protagonist, a difficult choice between two “shrines”: hungry children and the last request of the dying neighbor. The drama of this choice is determined by the author in a very capacious and expressive way: “With a bitter tired voice she asks ... Rivochka, bring it ... the war is over, you will have time to eat enough”, although for sure she knows how they “eat enough” in the post-war years. The fragments from which the whole image of Esther Gershtein is composed represent a simple woman, ordinary, tormented by life's misfortunes, and at the same time, by nature Esther is good, wise, with a deep inner moral core.

In fact, A. Drabkin worked out in the “Krashenki” a special form of the story – polyphonic in composition, formed by a wreath of different voices, and ironic in aesthetic pathos, with amplitude from unrestrained laughter to tragic sobs. The story is dominated by a joyful, kind tone. The author's memories about the difficult past of his relatives leave a feeling of love, warmth, pride and gratitude.

The story turned out to be centripetal, aimed at reaffirming the author's thought about the imperishable moral laws that are higher than nations, hunger, cold and death.

The writers and poets of the Jewish Autonomous Region found their “corner” in the space of Russian literature of the twentieth century. Their creativity revealed a different world perception of the life: from the Bible and the Talmud; From Jewish legends and parables, from the history of migration, from the world of Birobidzhan streets and its outskirts.

Undoubtedly, not all works of the writers of our region are equivalent in their artistic value, not many of them became the property of literature with a capital letter. But they all became part of the mosaic that lined up in a bizarre drawing of the literary biography of the Jewish Autonomous Region.

REFERENCES

1. Бахтин, М. Вопросы самосознания и самооценки / М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1973.
2. Бахтин, М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М: Искусство, 1979.
3. Бердяев, Н.А. О русских классиках / Н.А. Бердяев. – М.: Высшая школа, 1993.
4. Вассерман, Д. Как это было. – Биробиджан, 1993.
5. Драбкин, А.Л. Крашенки / А.Л. Драбкин // Биробиджан. – 2005. – No. 2. – P. 45-47.
6. Кудиш, Е. Театральный Биробиджан / Е. Кудиш. – Биробиджан, 1996.
7. Мелетинский, Е.М. О литературных архетипах / Е.М. Мелетинский. – М., 1994.
8. Пропп, В.Я. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М., 1998.
9. Чудаков, А.П. Поэтика Чехова / А.П. Чудаков. – М., 1971.

Материал поступил в редакцию 18.08.17.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА А. ДРАБКИНА «КРАШЕНКИ»

Д.С. Абдуразакова, магистрант

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема (Биробиджан), Россия

***Аннотация.** Данная статья посвящена творчеству известного современного писателя и поэта российского Дальнего Востока Александра Леонидовича Драбкина, члена Союза писателей России. С точки зрения жанра, тематики, проблематики и композиции проанализирован его уникальный рассказ «Крашенки».*

***Ключевые слова:** литература Дальнего Востока, Драбкин, двунациональность, тема памяти, «Крашенки», ретроспекция, рассказ-воспоминание, полифоническая форма сказа.*

УДК 80

**ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ
ЦЕННОСТИ И СОХРАНЕНИЯ «НАПЕВОВ ВОСЕМНАДЦАТИ
ПОРОГОВ» РЕКИ ГАНЬЦЗЯН (УЕЗД ВАНЬАНЬ) *****Ли Эрюн**, кандидат искусствоведения, доцент

Академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР

Аннотация. В статье представлен детальный анализ ценности напевов «восемнадцати порогов» как культурного наследия Китая. Автор исследует проблему сохранения народных напевов в качестве элемента традиционной культуры, а также выдвигает свои предложения по усовершенствованию сохранения преемственности данного музыкального явления.

Ключевые слова: музыка; «напевы восемнадцати порогов»; культурное наследие; преемственность.

Народное искусство провинции Цзянси является одним из признанных символов традиционной культуры Китая. Важную роль в нем играют так называемые «напевы восемнадцати порогов» реки Ганьцзян (уезд Ваньань, город Цзиань). Река Ганьцзян протекает с юга на север по территории всей провинции и служит ее основной водной и транспортной артерией. Восемнадцать порогов расположены в верхнем течении реки и охватывают ее части от уезда Гань до города Цзиань, уезда Ваньань. Рельеф местности здесь сложный и труднодоступный: в верхней части течения (территория уезда Гань) – холмистый, на участке около города Цзиань – низинный, благодаря чему река питает крупное озеро Поян.

В древности во время развития судоходства по реке Ганьцзян проход по восемнадцати порогам был возможен лишь с помощью бурлаков, которые тянули лодки на веревках вдоль опасных порогов. Волоча груз по реке, перед каждым новым шагом бурлаки издавали громкие ободряющие возгласы, на основании которых и сложились «напевы восемнадцати порогов». Эти напевы подвергались сильному влиянию культурных предпочтений того времени, специфики местного рельефа, исторических изменений в китайском обществе, сосуществованию различных национальностей, а также культуры соседних территорий и многих других факторов. Постепенно на их основе в Китае сложилась отдельная, особенная и важная традиционная музыкальная форма. Именно поэтому «напевы восемнадцати порогов» считаются не только достижением развития народного музыкального искусства в стране, но и важным вкладом китайской культуры в сокровищницу общемирового музыкального наследия.

1. Общие сведения о «напевах восемнадцати порогов» реки Ганьцзян

В целом, имеется немало исследований, описывающих течение и ирригационное значение реки Ганьцзян в районе ее восемнадцати порогов. К примеру, еще в Раннюю Цинь и затем после объединения всей страны данные вопросы раскрывались в «Записях по истории» («Книга о речных каналах»), «Книге о водных маршрутах», «Картах управления реками» и др. В Новое время, помимо описаний истории развития ирригации на местных реках, встречаются

разнообразные исследования ирригационных систем и сооружений, традиций, проблем, связанных с течением рек, и т.п. Однако «напевы восемнадцати порогов» изучены лишь в нескольких публикациях, а именно в «Восемнадцати порогах реки Ганьцзян» (редактор Ли Гуйпин, 2014 г.) и в магистерской диссертации Го Лимина «История восемнадцати порогов Ганьцзян: исследование местности Ваньань в периоды Мин, Цин и на современном этапе» (Педагогический университет Цзянси, 2013 г.). По мнению Го Лимина, «песни «восемнадцать порогов» отличаются выраженной ориентированностью на эффективную и слаженную работу, на волоку речных суден и избежание несчастных случаев; практически каждая песня содержит указания правильной позиции тела, верного расположения судна и учета особенностей рельефа». Как видим, «напевы восемнадцати порогов» изначально тесно связаны со спецификой течения реки и особенностями местности, что детально подчеркивается в историографии. Однако вопросы культурной ценности и охраны данных напевов все еще нуждаются в дальнейших исследованиях.

В исследованиях местных традиций в настоящее время наблюдается признание того, что вслед за широкомасштабным использованием местных ресурсов, быстрым экономическим развитием и влиянием рыночной экономики напевы-возгласы постепенно исчезают за ненадобностью. «Напевы восемнадцати порогов» считаются историческим элементом традиционной культуры Ганьси и стоят на грани исчезновения. Несмотря на то, что в 2007 г. руководство провинции Цзянси внесло «напевы восемнадцати порогов» в официальный список местного нематериального культурного наследия, однако проблема сохранения и развития напевов как особенности местной культуры отдельно не изучается.

Во время проведения полевых исследований автор выявил, что ситуация с сохранением «напевов восемнадцати порогов», признанных культурной ценностью провинции, вовсе не утешительна. В первую очередь, это связано с отсутствием каналов прямой передачи напевов от прежних поколений. Развитие речного судоходства привело к замене деревянных весельных лодок на лодки с двигателями, что привело к утрачиванию напевов-возгласов, призывавших бурлаков к их героической борьбе с бурным течением реки. Напевы также не нужны более для координирования ручного труда. Раньше, когда от нескольких человек до нескольких десятков человек сидели на веслах, а десятки (порой свыше сотни) человек тянули лодки за веревки, выкрики-напевы были слышны на далеких расстояниях. Теперь же этого невозможно услышать и изучить, так как труд бурлака исчез за ненадобностью. В настоящее время в местности Ваньань лишь пятеро человек могут воспроизвести аутентичные традиционные выкрики. Среди них самому пожилому респонденту сейчас свыше 90 лет, средний их возраст – 75 лет. Во-вторых, постепенно меняется сам рельеф местности. После возведения дамб вода поднялась выше прежнего уровня, и река постепенно начала менять свое русло. Стал исчезать прежний ландшафт, включая ущелья, острые излучины реки и сами пороги. В-третьих, сохраняются проблемы с передачей «напевов восемнадцати порогов» на сцене. Несмотря на в целом хорошую технику исполнения, вокалисты, не имея реального опыта воспроизведения данных напевов в естественных природных условиях, утрачивают изначально простоту звукоизвлечения. Напевы в сценическом исполнении теряют свою специфику и невольную стихийность звучания, что приводит к снижению их культурной ценности.

2. Анализ музыкальной ценности и традиции

«напевов восемнадцати порогов» реки Ганьцзян (уезд Ваньань)

(1) «Напевы восемнадцати порогов» как прототип полифонии в музыкальной культуре Китая

«Напевы восемнадцати порогов» реки Ганьцзян (уезд Ваньань) – это трудовые песни бурлаков во время разматывания веревок и волока речных суден. Их возникновение тесно связано с особенностями природы территории Ваньань, с вокально-танцевальными традициями и предпочтениями местных жителей, с присущими последним прямодушием и простотой. В «напевы восемнадцати порогов» входят напевы-выкрики «становления на якорь», «отталкивания шестом»,

«волока веревками», «призыва ветра», «поднятия паруса» и т.д. Разное течение реки на различных ее участках, разные направления движения лодок привели к еще большему разнообразию напевов: они также включают напевы-выкрики «прохождения песка», «прохождения камней», «раскачивания весел», «волока и приближения к берегу», «приближения к берегу и постановки на якорь» и т.п. (всего выделяют десять общих типов напевов и свыше тысячи видов выкриков). Если принять во внимание, что первые «напевы восемнадцати порогов» сформировались еще в эпоху Весны и Осени, то их можно полноправно считать первой китайской хоровой музыкой. Кроме того, приемы, характерные для данных напевов, по сей день широко используются в вокальной практике в Китае.

(2) «Напевы восемнадцати порогов» Ганьцзян (уезд Ваньань) как источник обогащения традиционных музыкальных форм и народных музыкальных ритмов

Ритм «напевов восемнадцати порогов» является их ключевой особенностью. Он позволял контролировать скорость движения судна по реке, прилагаемую людьми для этого силу, количество шагов и др. В зависимости от гидрологических и метеорологических условий, от интенсивности движения суден изменялись извлечение начальных звуков напева-выкрика и распевка слов, что влияло на общий ритм и приводило к постепенному формированию смешанного ритма как характерной особенности напевов. Во время движения по ровной местности напевы были переливчаты и лиричны, с ярко выраженной мелодией. Во время перехода очередного порога или при борьбе с волнами они были напряженными, сжатыми и громкими. Выкрики становились частыми, а на наиболее сложных участках пути переходили в крик изо всех сил. При борьбе с волнами в них уже не было выраженного текста: оставалось лишь поразительное и громогласное звучание голосов. Настроение людей менялось в зависимости от погоды и от состояния реки. Они могли добавлять в напевы-выкрики мотивы из «горных песен», местные мотивы песен Цзянси и т.д.

(3) «Напевы восемнадцати порогов» как квинтэссенция традиционной музыкальной культуры жителей долины реки Ганьцзян

Поскольку «напевы восемнадцати порогов» были распространены в местности вдоль течения реки, они несут в себе выраженный оттенок местной земледельческой культуры и соответствующей для нее музыки. Размер здесь зачастую четырех- или пятидольный, нередко используются верхние и нижние вибрато, трели и другие мелизмы. Именно это и стало выраженной особенностью напевов. Мотивы «юй», наиболее характерные для провинции Цзянси, также нашли отражение в «напевах восемнадцати порогов»: их акустические особенности были особенно слышны в слаженном хоровом пении сидящих на веслах. В то же время, естественное звукоизвлечение и согласованность исполнения «напевов восемнадцати порогов» позднее стали неотъемлемым элементом местных драматических пьес и театрально-музыкальной культуры Цзянси в целом. Именно поэтому мы можем считать «напевы восемнадцати порогов» квинтэссенцией местной музыкальной культуры.

(4) Тексты «напевов восемнадцати порогов» как исторический источник для исследования быта местных жителей и их мировоззрения

Народный и зачастую стихийный характер формирования «напевов восемнадцати порогов» свидетельствует о том, что, помимо скрытой в них музыкальной ценности, они являются важным историческим и этнографическим источником для исследования быта и мировоззрения жителей данного региона. Тексты напевов позволяют изучить развитие трудовых отношений в обществе, специфику рельефа и привычки местных жителей. В них обычно либо описаны бытовые сцены жизни людей по обоим берегам реки Ганьцзян и древние ремесла, либо передан геройский дух тех, кто проводил лодки вдоль опасных порогов реки, а также их тяготы и сложности судеб, либо переданы привязанность к верным женам и любовь к женщине в целом.

3. Рекомендации по сохранению «напевов восемнадцати порогов» реки Ганьцзян

(1) Активная поддержка внесения напевов в список общенационального и мирового устного культурного наследия

В 2002 г. в КНР была начата официальная работа по охране устного нематериального национального культурного наследия. В 2005 г. Госсовет КНР издал указ о поддержке охраны нематериального культурного наследия и составлении национального списка нематериальных культурных ценностей. В 2007 г. «напевы восемнадцати порогов» реки Ганьцзян официально вошли в список нематериального культурного наследия, составляемый на уровне провинции Цзянсу, утвержденный местной администрацией, что стало шагом по вхождению напевов в соответствующий общегосударственный список. Еще в 2000 г. в ЮНЕСКО была начата Программа по составлению Списка Всемирного культурного наследия, согласно которой Список пересматривается один раз в два года. Для вхождения в него ценность должна вносить вклад в общемировую культуру и иметь статус нематериального культурного наследия, являться традиционной формой культуры, ценной с точки зрения искусства и исторического развития, иметь выраженное антропологическое, социологическое, этнографическое, филологическое или литературное значение.

Поскольку «напевы восемнадцати порогов» всесторонне соответствуют данным критериям, соответствующие ведомства КНР могут подать заявку на их внесение в названный Список ЮНЕСКО для их закрепления в качестве выдающегося наследия народной вокально-музыкальной культуры Китая (или общемировой культуры). В свою очередь, это будет способствовать их более эффективному сохранению и поддержанию преемственности музыкальной традиции.

(2) Стимулирование развития изучения «напевов восемнадцати порогов» как явления народной музыкальной культуры

Хотя заявка на включение «напевов восемнадцати порогов» в список общенационального или общемирового устного и нематериального культурного наследия является одним из способов их сохранения и развития, однако она не снимает всех сложностей, возникающих в процессе культурных изменений и связанной с ними охраны материальных ценностей. В настоящее время заявка на вхождение в Список ЮНЕСКО означает стремление местного руководства к развитию, в первую очередь, местной экономики, повышению общей известности той или иной территориальной единицы. Сведение ценности явления культуры к его сугубо экономическому значению или к организации «показательных выступлений» слишком поверхностно. Оно может стать настоящей угрозой культурному явлению как таковому и свидетельствует о некотором противоречии задач экономического развития и охраны нематериальной культуры.

Для более целенаправленной охраны изучаемых напевов предлагается:

(1) создать Банк данных «напевов восемнадцати порогов» реки Ганьцзян (уезд Ваньань) как культурной ценности;

(2) с помощью туризма поддерживать широкомасштабное знакомство населения страны с «напевами восемнадцати порогов»;

(3) в целях стимулирования преемственности «напевов восемнадцати порогов» в китайской музыкальной культуре внести отдельный курс по их изучению в учебные планы соответствующих учебных заведений.

** This article is about the periodical results of “Music heritage value and protection of Shibatan chant”*

*that belongs to “Jiangxi culture & art science planning project”,
Jiangxi University of Finance and Economics “Intangible cultural heritage research base project”
of Art College of Jiangxi University of Finance and Economics (Item No.: YG2016394B).*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Го Лимин. История восемнадцати порогов Ганьцзян: исследование местности Ваньань в периоды Мин, Цин и на современном этапе (магистерская диссертация) / Го Лимин. – Педагогический университет Цзянси, 2013 г.
2. Исполком уезда Ваньань: «Ою уезде Ваньань». – Наньчан: изд-во Цзянси, 2006.
3. Ли Гуйпин. Восемнадцать порогов реки Ганьцзя / Ли Гуйпин Изд-во Саньянь, 2014.
4. Юй Чжичжэнь. Записки о Цзиань / Юй Чжичжэнь – Пекин: изд-во Китай, 2002.

Материал поступил в редакцию 22.08.17.

RESEARCHING THE CULTURAL VALUE OF THE “EIGHTEEN RAPIDS TUNES” OF THE GANJIANG RIVER (WANAN DISTRICT)

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor
College of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China

***Abstract.** The article presents the detailed analysis of the value of the “Eighteen Rapids Tunes” as China’s cultural heritage. The author addresses the issue of preserving these tunes as an element of traditional culture, and describes his ideas on improving the protection of this musical phenomenon.*

***Keywords:** music, “Eighteen Rapids Tunes”, cultural heritage, continuity.*

УДК 811

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СЦЕНАРНОГО ФРЕЙМА «ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ» В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «РАЗ В ГОД»

Н.Б. Шибаева, ассистент кафедры преподавания
русского языка как родного и иностранного
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», Россия

***Аннотация.** В данной работе на примере рассказа А.П. Чехова «Раз в год» анализируется понятие «сценарный фрейм», раскрывается его типовая структура, рассматриваются способы вербализации сценария «жить по совести» как культурно обусловленного феномена.*

***Ключевые слова:** фрейм, сценарный фрейм, схема фрейма, ситуационная модель, этнокультурный феномен «совесть».*

В когнитивной семантике существует представление о том, что за значениями слов стоят тесно связанные с ними когнитивные структуры, которые можно описать на одном из специально разработанных языков представления знаний. Элементами этого языка являются фреймы.

Термин «фрейм» (frame) был впервые введен М. Минским, рассматривавшим данный термин как «структуру данных», как «один из способов представления стереотипной ситуации» [3, с. 7]. По мнению Т.А. ван Дейка, фреймы есть единицы, способные определять и описывать, что в данном обществе является «характерным» или «типичным» [2, с. 16-17]. Подобной точки зрения придерживается Н.Ф. Алефиренко, по мнению которого фрейм отражает «клишированные ситуации в совокупности соответствующих стандартных знаний, объемных представлений и всех устойчивых ассоциаций» [1, с. 72].

Таким образом, фреймы заключают в себе общедоступное в определенной культуре знание, которое является типичным и характерным для данного общества.

Структурно фрейм может быть представлен в виде сети узлов и отношений разных уровней: «верхние уровни» представлены данными, которые всегда остаются неизменными, являются национально и культурно значимыми, а «нижние» уровни фрейма – пустые узлы («слоты»), которые заполняются конкретными данными из той или иной практической ситуации. Каждый слот фрейма, рассматриваемый как субфрейм, – это некоторый тип информации, релевантный для описываемого «сценария» речевого действия.

Фрейм организует наше понимание мира в целом, а значит и обыденное поведение, которое есть «образ жизни и действий» [6, с. 528]. Совершение действия всегда связано с некоторой ситуацией, включающей «события и действия, определяемые конкретными пространственными и временными параметрами, а также уникальной последовательностью событий или действий и их участников» [2, с. 89]. Знания о последовательных стереотипных действиях в той или иной ситуации представляют собой сценарий [Широколобова, 2014, с. 50].

Сценарные фреймы организуют наше поведение и позволяют правильно интерпретировать поведение других людей. Фрейм-сценарий, по М. Минскому, представляет собой типовую структуру для некоторого действия, события, включающую характерные элементы этого действия или события. Сценарий, по определению Кобозевой, – это «динамический фрейм, являющийся схематическим отображением определенной типовой ситуации, представляющий собой модель, выраженную на семантическом метаязыке» [Кобозева, 2000: 65].

Любая динамическая когнитивная структура включает в свой состав, как пишет О.С. Полатовская, базовый элемент (элемент действия), темпоральные связи и каузативные связи между отдельными элементами» [7, с. 164]. Каждый сценарий имеет исполнителей ролей. Он имеет различные интерпретации, отражающие точки зрения различных исполнителей.

Сценарные фреймы представлены ситуационными моделями, которые отражают информацию, носящую стереотипный характер. Для создания ситуационных моделей люди используют схемы ситуаций – «окружающая обстановка, обстоятельства, участники и их действия или различные свойства этих составляющих» [2, с. 87].

В основу композиционного построения рассказа А.П. Чехова «Раз в год» положено единичное обстоятельство, бытовой случай – именины хозяйки дома, ожидающей прихода гостей. «Именины» выступают в роли внешнего фрейма. Если структурировать данное событие, то можно выделить следующие его элементы:

- с позиции именинника:
 1. в доме все чисто;
 2. именинник нарядно одетый;
 3. приготовлены праздничные блюда;
 4. накрыт праздничный стол;
 5. именинник встречает гостей;
 6. благодарит за подарки;
 7. приглашает к столу;
 8. угощает гостей приготовленными блюдами;
 9. развлекает гостей;
 10. по окончании вечера благодарит гостей за проявленное внимание;
 11. приглашает в гости;
- с позиции гостей:
 1. заранее покупают подарки;
 2. приходят с поздравлениями;
 3. вручают подарки;
 4. садятся за праздничный стол;
 5. общаются друг с другом, веселятся;
 6. благодарят за радушный прием;
 7. уходят домой.

В рассказе А.П. Чехова описание внешнего фрейма происходит в соответствии с заданным сценарием: *домик княжны «имеет праздничный вид. Вокруг него тщательно подметено, ворота открыты, с окон сняты решетчатые жалюзи. В передней пахнет не кофейной гущей, как обыкновенно, не постным супом, а какими-то духами. В комнатах старательно прибрано. Повешены гардины, снята кисея с картин, навощены потертые, занозистые полы»* [8, с. 346].

Все, казалось бы, как обычно, идет по устоявшемуся годами плану. Но Чехов – мастер создавать особые обстоятельства, в которых проявляется вся суть человеческой природы. Ему интересна личность в ее столкновении с трудностями, препятствиями, которые нарушают обычную последовательность действий. Препятствие имеет место тогда, когда отсутствует какое-то условие, необходимое для выполнения действия. В рассказе А.П. Чехова осложненные ситуации, нарушающее ход заданного сценария, связано с тем, что ожидания княжны

оказываются напрасными: *«Повторяется история прошлых годов. Безжалостная история! Никто не приехал! Никто!»* [8, с. 347].

Общая ситуация (ожидание гостей) играет роль фона, относится к категории обстоятельств для более частной ситуации, в которой в нашем случае находит свое проявление сценарный фрейм «жить по совести».

Старому Марку, который *«не менее огорчен»* случившимся, *«встревожен»* душевным состоянием своей хозяйки, становится по-человечески жаль княжну, которая в такой значимый для нее день опять осталась одна. Обеспокоенный душевными переживаниями княгини, он берет на себя решение проблемной ситуации, с тем чтобы помочь одинокой, нуждающейся во внимании женщине. Поступить по-другому – значит пойти против своих убеждений, против своей совести.

Совесть начинает активно напоминать о себе тогда, когда человек в определенных обстоятельствах должен решить, как ему поступить. Выбор, сделанный сердцем, а значит по совести, обычно приводит человека к осознанию правильности и необходимости своего поступка.

Цель Марка – убедить племянника княжны приехать с поздравлениями в дом тетушки, так как не приехать – «стыдно», «нехорошо-с!» [8, с. 348]. Добровольно взвалив на себя ответственность за возможность сделать княжну счастливой, Марк пытается уговорить молодого человека проявить уважение к возрасту. Социальное неравенство не позволяет ему быть с Жаном жестким и категоричным, отчего все просьбы содержат уважительное обращение, соответствующее социальному статусу адресата: *«А уж вы, батюшка, съездите, проздравьте! Уж вы будьте такие добрые, окажите им свое почтение... Съездите, батюшка! Съездите, выше сиятельство! Уважьте, батюшка! Сделайте такую милость! Сделайте милость!»* [8, с. 348]. *«Будьте так благодусны! Пожалейте их!»* [8, с. 349].

Становится очевидным, что лексические повторы усиливают выражаемую просьбу, акцентируют внимание на необходимом действии. Швейцар пытается воздействовать на молодого человека, апеллируя к его «достоинствам» – человечности, доброте, сочувствию. Именно эти качества всегда отличали русского человека.

Видя, что никакие уговоры не помогают, старый Марк готов пойти на любые условия Жана: несмотря на стесненные обстоятельства, в которых находится, он обещает молодому человеку материальное вознаграждение, преследуя при этом только одну цель – добиться душевного спокойствия княгини.

Препятствие, мешающее человеку быть счастливым, устранено: в развязке мы наблюдаем, что *«счастливая княжна поближе подсаживается к Жану, и разговор их затягивается...»* [8, с. 349].

Как отмечает Е.В. Некрасова, «конец повествования» – фактор, задающий последовательности событий семантическую значимость» [5, с.19].

В заключительной части рассказа (в коде) положительный герой Чехова *«роется в своих сундучках и собирает кредитные бумажки. Князь Жан сделал большую уступку. Ему нужно заплатить только пятьдесят рублей. Но, чтобы заплатить эти пятьдесят рублей, нужно перервать не один сундучок!»* [8, с. 349].

Поступок, совершенный по закону совести, помог сделать другого человека счастливым, но цена этого счастья для исполнителя оказалась нелегкой. Чехов в очередной раз подчеркивает мысль о важности духовного и второстепенности материального. В этом проявление русского уклада жизни.

Фреймы-сценарии – культурно обусловленные феномены. Они аккумулируют национальные представления о типичных моделях поведения, одобряемых или не одобряемых этносом. Чехова интересует то, как герой живет, чувствует, принимает решения в обыденной жизни, при этом оставаясь типично русским человеком, неразрывно связанным с контекстом русской жизни. Для русского человека сочувствие тому, кого незаслуженно обидели, готовность оказать безвозмездную помощь, проявление почтительности и уважения к старшим –

непременные качества человека, живущего по совести.

В рассказе А.П. Чехова «Раз в год» в рамках фрейма «жить по совести» вербализована формула отношения к старым людям – проявления заботы о человеке, попытка сделать его счастливым, ничего не требуя для себя. Человек, который действует в соответствии с фреймом «жить по совести», вызывает уважение и сочувствие своих сограждан. Человек, нарушающий данный фрейм, – неприятель.

СХЕМА ФРЕЙМА
(рассказ «РАЗ В ГОД»)

О Б С Т А Н О В К А	ВРЕМЯ		день именин княжны	
	МЕСТО		маленький домик княжны	
	У	имя	Жан	Марк
	Ч	возраст		старый
	А	социальный статус	князь, племянник княжны	
С	внешний вид	Его помятое , мордастое лицо багрово, на лбу пот. В голове его шум, в желудке революция.	дряхлый, одетый в изъеденную молью ливрею. Его колючий подбородок, свежевывчищенные сапоги и гербовые пуговицы отражают в себе солнце.	
РЕЗЮМЕ (введение темы)		Именины. Княжна ожидает гостей к себе на именины.		
МЫСЛИ			испортились люди!	
ЧУВСТВА			не менее огорчен	
ПОВЕДЕНИЕ			суетится	
О С Л О Ж Н Е Н И Е	СОДЕРЖАНИЕ		«Повторяется история прошлых годов. Безжалостная история! Никто не приехал ». В три часа, как и в прошлом году, с княжной делается истерический припадок .. Встревоженный Марк едет к племяннику Жану.	
	ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА		Я не делаю визитов... Ну, проваливай! Дрянь ты этакая! Паршак!	Нехорошо-с, нехорошо-с! Нешто это хорошо? Чувств у вас никаких нету! Ну с какой стати вы их огорчаете? Стыдно в глаза глядеть? А уж вы съездите , проздравьте! Уж вы будьте такие добрые, окажите им свое почтение... Съездите! Уважьте, батюшка! Сделайте такую милость! Сделайте милость! Будьте так благодущны! Пожалейте их!
	НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА		валяющийся на кровати	проводит рукавом по глазам
РАЗВЯЗКА		В пятом часу Жан сдается, надевает фрак и едет к княжне... Счастливая княжна поближе подсаживается к Жану, и разговор их затягивается...		
КОДА		В то время, когда счастливая княжна, слушая Жана, хохочет, ужасается, поражается, старый Марк роется в своих сундуках и собирает кредитные бумажки . Князь Жан сделал большую уступку. Ему нужно заплатить только пятьдесят рублей . Но, чтобы заплатить эти пятьдесят рублей, нужно перерыть не один сундучок!		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н.Ф. Этноэдемический концепт и внутренняя форма языкового знака / Н.Ф. Алефиренко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 70-81.
2. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Т.А. ван Дейк / Сост. В.В. Петрова. Под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
3. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский / под ред. Ф.М. Кулакова. – М.: «Энергия», 1979. – 152 с.
4. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
5. Некрасова, Е.В. Нарратив как «модель понимания» литературного текста / Е.В. Некрасова // Вестник НГУ: Серия: Психология, 2013. – Том 7, выпуск 1. – С. 17-27.
6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
7. Полатовская, О.С. Фрейм сценарий как тип концептов / О.С. Полатовская // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 4 (25). – С. 161-166.
8. Чехов, А.П. Раз в год / А.П. Чехова // Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. – М.: библиотека «Огонек», издательство «Правда», 1970. – С. 346-349.
9. Широколобова, А.Г. Фрейм и сценарный фрейм терминосистемы «Терроризм» как отражение научной картины мира / А.Г. Широколобова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1. – С. 45-53.

Материал поступил в редакцию 07.08.17.

VERBALIZATION OF ETHNOCULTURAL SCRIPT FRAME “LIVING HONESTLY” IN A.P. CHEKHOV’S SHORT STORY “RAZ V GOD”

N.B. Shibayeva, Assistant of Department of Teaching Russian as Native and Foreign Language
Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A Dobrolyubov, Russia

***Abstract.** In this article, the concept “scenario frame” is analyzed on the example of the story “Raz v god” by A.P. Chekhov, its type structure is revealed, ways of verbalization of the scenario “living honestly” as culturally caused phenomenon are considered.*

***Keywords:** frame, scenario frame, scheme of frame, situational model, ethnocultural phenomenon “conscience”.*

УДК 070

О ПРИРОДЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

А.И. Петраш, кандидат геолого-минералогических наук, доцент
Высшая школа печати и медиаиндустрии,
Московский политехнический университет, Россия

***Аннотация.** Журналистика рассматривается как обусловленная природой необходимостью обмена информацией, служащей для совершенствования социального устройства общества. Журналистика как один из институтов общества развивается вместе с ним и управляется теми же законами, что и физические системы. Журналистика – не только метод познания, но и преобразования действительности. Она должна базироваться на независимых от различного рода конъюнктур незыблемых основах, свойственных природным системам.*

***Ключевые слова:** журналистика, обмен информацией, природный феномен, подготовка журналистов.*

Философия как наука о наиболее общих законах развития Природы и общества убеждает нас в том, что материя первична, а сознание вторично. Но она не отвечает на вопрос – что «первичнее» материи. По-видимому, это гармония всегда существующих в Природе законов, мало познанное, частное проявление которых используется человеком в его жизнедеятельности.

Информация и обмен ею – одно из основных понятий журналистики – лежит в основе Эволюции живой и «костной» (В.И. Вернадский) материи. В наше время ни у кого не вызывает сомнения, что фундаментальные механизмы эволюции человеческой цивилизации едины с механизмами развития всей биосферы Земли. Физические и социальные системы развиваются по одним законам Природы.

Как показано исследованиями А.Л. Чижевского, развитие человеческого общества синхронно с космическими циклами, в частности с одиннадцатилетними циклами на Солнце. Геодинамика – «наука о глубинных силах и процессах, возникающих в результате эволюции Земли как планеты...» [2, с. 532] определяющим образом влияет на развитие цивилизаций. В основанных на исследовании большого фактического материала работах В.Г. Трифонова и А.С. Караханяна показана роль динамики Земли в развитии общества [8], истории цивилизаций [7]. «Главная особенность представляемого подхода к исследованию воздействий геодинамики на жизнь общества – системный анализ связей проявлений природных процессов между собой и с событиями истории и современной жизни общества» [8, с. 11]. Понятно, что опосредованным образом это относится и к журналистике как к одному из общественных институтов. «...Каждый из нас несёт внутри себя природу, которая составляет содержание жизни» [3, с. 18].

Независимо от количества и гипотез исхода и расселения по Земле человека от общего африканского предка мигрировавшие и встречавшиеся люди по принципу комплиментарности (Л.Н. Гумилёв) общались, сообщали друг другу необходимые для жизни сведения

(обменивались информацией), задавали друг другу вопросы (брали интервью), беседовали. Общие, устойчивые формы сообщений формировали будущую основу того, что позже станут называть жанрами. Тогда же стали формироваться наиболее приемлемые формы общения – этика общения.

Журналистика – не изобретение. Это – подсказанная законами Природы форма материализации одной из первейших потребностей общества в информации, уходящая в его историю. «Решения, которые нашла природа за миллионы лет, по-видимому, оптимальны. Попытки перекраивания природы в угоду человеку приводят к системам, энергетическая эффективность которых, в конечном счёте, ниже природной» [6].

Начиная с первых шагов по образованию этносов, история человечества развивалась по определённым Природой законам («...Много ещё в человеке всего, идущего от древней природы его» (В.М. Песков «Ритуал»). Человеку остаётся увидеть (открыть) их, осмыслить и использовать на благо общества.

Все законы парагенетичны и действуют одновременно, коэволюционно (академик Н.Н. Моисеев). Всякое отчётливо проявляющееся в определённое время явление в обществе имело общее со всем начало. Латентный же период его зависел от того, насколько быстро появлялась в нём необходимость. Всякому явлению в обществе – своё исторически обусловленное время проявления. Так было и с журналистикой как средством обеспечения общества информацией, без чего его дальнейшее развитие становилось невозможным.

Читателя до определённого времени объективно удовлетворяла информация по принципу «что, где, когда». Анализируя публикуемые в то время материалы, подготавливаемые обладавшими разными подходами к освещению информации, разными стилями и другими творческими приёмами материалы журналистов, теоретики журналистики станут классифицировать по определённым устойчивым признакам, назовут их жанрами и выделяют первую группу – информационные жанры.

Когда общество станут интересовать не только сами события, но и причины их появления, когда оно задастся вопросом «а почему так происходит?», журналисты в своих материалах в меру своих знаний и творческой индивидуальности начнут их анализировать, – появятся вскрывающие корни процессов в обществе аналитические жанры. Возможно, в настоящее время у нас и недостаёт аналитических жанров? «Аналитической журналистики очень мало. Мне бы хотелось, чтобы у нас на факультете главной специализацией стала аналитическая журналистика», замечает президент факультета журналистики МГУ Я.Н. Засурский [1, с. 14].

Когда же общество с соответствующей интонацией задаётся вопросом «а до каких пор это будет происходить?» – появляются публицистические жанры и их выделение по столь же устойчивым признакам.

Каждое поколение журналистов и каждый журналист ищет свой, этнически обусловленный жанр – такую форму обращения к аудитории, которая оказывается наиболее эффективной в данное историческое время. Наблюдается исторически объективное перераспределение роли жанров во времени.

Жанры – не изобретение, это открытие журналистами наиболее эффективных форм воздействия на аудиторию. Они, разумеется, нуждаются в обобщении, типологизации, теоретическом обосновании и т.п.

Таким образом, можно дать ещё одно определение жанра – исторически складывающаяся, наиболее эффективная в данное историческое время форма обращения к аудитории. Такое определение, с нашей точки зрения, может подойти к любому виду творческой деятельности, где есть понятие жанра.

Мы уже отмечали, что к пониманию жанра нужно подходить междисциплинарно, с общенаучных представлений [5]. Журналистика – не наука, но это не означает, что она не может основываться на общенаучных методах, понятиях, быть междисциплинарной.

Журналистика, как только становилась бизнесом, всегда была нацелена на выполнение

интересов правящих элит. Тем не менее, был близкий к её природной сущности период ориентации журналистики на служение обществу в целом, на то, чтобы «сеять разумное, доброе, вечное». Нечто подобное было в советской России, идеалы журналистики которой можно ещё проследить в существующих программах подготовки современных журналистов, хотя реальность изменилась с точностью «до наоборот». Об этом точно сказал Председатель Союза журналистов России Всеволод Богданов: «Журналистская профессия сегодня переживает небывалый кризис. Раньше, публикуя критический материал, мы всегда знали, что на него последует заметная реакция. Была реальная действенность материалов, они действительно меняли нашу жизнь. Статус профессии был высокий: куда бы ты ни приезжал, тебя узнавали, тебя уважали. Журналистика была связана с расследованием жизни: фактов, биографии, ситуации. Целью было найти истину, кого-то спасти, кому-то помочь.

Сейчас всё иначе... В стране появилось видимо-невидимо факультетов журналистики. Казалось бы, нас должен захлёстывать оптимизм: сколько людей идёт в журналистику! Но дело в том, что, отучившись год и сходяв, что называется в жизнь, увидев, как развивается пиар, как живут рекламщики, политтехнологи, взгляды у девочек и мальчиков меняются. Они уже не хотят ни за что бороться, усовершенствовать жизнь, а желают найти тёплое место и получать достойную зарплату» [4, с. 10-11]. Причём, места эти зачастую весьма далеки от журналистики. Устроиться же по специальности удаётся не всем. Подобное положение – неизбежное, объективное явление современной действительности. Аналогичную мысль высказывает профессор факультета журналистики МГУ В.М. Горохов: «Тогда была цензура, но, странным образом, журналисты создавали хорошие произведения. Сейчас цензуры нет, но нет и той среды, которая сформировала бы яркие личности. Сегодня сформировалась среда, в которой вырастают люди, заточенные на карьеру, на успех, на материальное благополучие. В журналистике должны быть духовные обертоны, духовная атмосфера» [1, с. 34]. Профессор факультета журналистики МГУ Е.П. Прохоров писал: «Наша современная журналистка, на мой взгляд, ужасная вещь. Мы в стенах факультета готовим образованных людей, а многие из них потом опускаются... Я понимаю, что они зарабатывают деньги. У них есть руководители, которые им платят и сами на этом хотят зарабатывать. Но это всех нас, общество в целом, унижает и оскорбляет» [1, с. 104]. И уже никто не хочет «трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете».

Теперь журналистика используется как средство влияния на сознание электората и как бизнес со всеми его рыночными законами. В таком случае именно это и должно быть положено в основу подготовки журналиста, если он хочет «вписаться» в современное журналистское «сообщество», в современную жизнь?! Журналистика оказывается оторванной от её природной сущности и становится инструментом политики.

Решение новых задач часто сопровождается необходимостью изыскания новых способов их решения (геометрия Лобачевского в математике, квантовая физика Планка, например). Для решения новых задач информационного обеспечения общества нужна новая журналистика, поскольку изменилось само понятие информации, задачи журналистики и само её определение, её цели, понятие этики, профессионализма, жанровые особенности, свободы слова и т.п. В настоящее время даже принципиальные нововведения в журналистике продиктованы новыми целями. Конвергентная журналистика, например, дважды объективна – как усиление идеологического влияния на электорат суммарным действием всех видов СМИ, и как неизбежная для капитализма монополизация. Новые условия заставили перестроиться на диаметрально противоположные взгляды на журналистику многих её теоретиков.

Возникает вопрос – реально ли предписывать столь объективному явлению – журналистике, рождённой как часть культуры этноса, как потребность его развития, субъективные законы, по которым она должна функционировать? Не идём ли мы, сообразуясь с интересами отдельных социальных слоёв, против законов природы? Возможно, следует глубже понять эти законы, по которым должна развиваться и журналистика? Не можем же мы приспособить законы, например, термодинамики к изменяющимся политико-экономическим

требованиям. По этому поводу хорошо заметил Л.Н. Гумилёв «И сколько ещё могучих сил природы, окружающих нас и управляющих нашей судьбой, лежит за пределами нашего разума. Мы живём в недооткрытом мире и часто двигаемся на ощупь, что иной раз ведёт к трагическим последствиям» [3, с. 32]. Не эта ли «недооткрытость» журналистики заставила Всеволода Богданова сказать о том, что «журналистская профессия сегодня переживает небывалый кризис»?

Условия, в которых находится современная журналистика, заставляют пересмотреть сущность некоторых преподаваемых будущим журналистам дисциплин. Представления о «Профессиональной этике журналиста», например, начинающиеся с этики Аристотеля и последующего её исторического развития, рассматриваемого в курсе философии, в настоящее время противопоставляется «этике» владельца СМИ. «Этических норм, как правило, для многих журналистов вообще не существует» – замечает Я.Н. Засурский – Президент факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова [1, с. 14]. Подобное несоответствие преподаваемого и тому, что существует в реальности, есть и в других дисциплинах.

Рассмотрение журналистики как объективно созданного в процессе эволюции закона природы явления или как искусственно изобретённого человеком способа воздействия на сознание определяет и характер исследований в области журналистики, и характер её преподавания – формирования мировоззрения журналиста. И характер его последующей профессиональной деятельности.

В связи с этим и понимание сущности информации нельзя рассматривать только с позиции журналистики. Необходим общенаучный, «общеприродный» подход к объяснению понятия информации.

Наукой доказано, что физические и социальные системы управляются одними и теми же законами. Все преобразования «материя-энергия-материя» или «энергия-материя-энергия» происходят в соответствии с законами, часть из которых науке в определённой мере известна. Вопрос о первичности или вторичности законов и материи решается, скорее, в пользу первичности законов. Сам Большой взрыв (если эта гипотеза верна) как преобразование энергии в материю происходил по предопределённым Природой законам – от элементарных частиц до, позднее, тяжёлых химических элементов.

Журналистике невозможно диктовать условия её функционирования и развития. В.И. Вернадский обосновывал необходимость рассмотрения человека как космического явления, отчего же журналиста, его деятельность мы рассматриваем с позиции лишь политической целесообразности? Известные попытки диктовать науке пути развития в зависимости от политической конъюнктуры только тормозили её развитие. Не то ли мы видим и в журналистике?

Если журналистика – институт общества, то в основе её – отстаивание интересов всего общества, а не отдельных его групп. И это можно рассматривать одним из основных постоянных во времени отличительных признаков журналистики. Задачи журналистики во времени меняются, но историческое предназначение и парадигмальные принципы её неизменны. Постоянные попытки превращения журналистики в политический инструмент лишают её природных корней, её естественного развития. Попытки политизировать науку уже приводили к известным результатам.

Журналистика – не наука, она не подходит под определение науки – вида деятельности, результаты которой описываются математическими формулами (как иногда науку определяют). Если журналистика – вид творческой деятельности (к чему мы, разумеется, склоняемся), то она должна опираться на некие незыблемые, не поддающиеся внешним факторам и времени основы, составляющие её сущность, отличающую журналистику от других видов творческой деятельности. Возможно, мы сознательно не замечаем и не открываем в журналистике не подвластные времени закономерности, определяемые природой её незыблемую суть? Возможно поэтому и нет обоснования и направления мысли – философии журналистики? Обоснованы философии практически всех наук и видов деятельности, а философии журналистики – нет.

У журналистики есть присущие ей объективные внутренние факторы развития. Есть, безусловно, то, что должно развиваться, эволюционировать (не приспособливаться к политическим условиям) во времени (это есть и у науки). Журналистика должна иметь достаточные потенциальные возможности для перестройки (эволюции) своей структуры адекватно внешним изменениям. В противном случае она как система разрушится. Остаётся надеяться, что этого не произойдёт.

Если журналистика – политика (как говорят современные журналисты-практики), хотя мы бы считали, что журналистика не может быть политикой, она не партия, в основе которой и лежит политика, она может быть лишь инструментом политики, то тогда все страсти относительно свободы слова, печати и тому подобное – не более чем кокетство. Творчество и ремесленничество – разные вещи. В какой-то мере это понятно из замечания профессора факультета журналистики МГУ Б.И. Есина: «Мы очень долго боролись, чтобы факультет журналистики был не ремесленный факультет. К нам на факультет приходили практики и поворачивали нас на ремесло» [1, с. 57].

Выводы? Журналистика – метод познания и преобразования действительности. Необходимо обозначить незыблемые, независимые от каких бы то ни было конъюнктур принципы, создающие фундамент журналистики как творческого вида деятельности, определяющие условия её естественной (природной), а потому объективной эволюции во времени. С этих позиций и следует, по нашему мнению, определять направления журналистики как вида деятельности, основные принципы и дисциплины подготовки журналистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беседы с Учителями. Книга первая / Сост. С. Распопова. – М.: МедиаМир, 2012. – 134с. – С. 14.
2. Горная энциклопедия / Гл.ред. Е.А. Козловский; Ред.кол.: М.И. Агошков, Н.К. Байбаков, А.С. Болдырев и др. – М.: Сов.энциклопедия. Т.1. – Геосистема, 1984. – 560 с. с ил. – С. 532.
3. Гумилёв Лев. Этногенез и биосфера Земли / Лев Гумилёв. – Москва: Эксмо, 2007. – С. 734, С. 18.
4. Касютин Владимир. Живая газета / Владимир Касютин. – Издательство Союза журналистов России. – 2013. – 336 с. – С. 10-11.
5. Петраш, А.И. О естественнонаучном подходе к теории и философии журналистики / А.И. Петраш. – Москва: Полиграфический центр ИМИР, 2010.
6. Ризниченко, Г. Нелинейное естественно-научное мышление и экологическое сознание / Г. Ризниченко. – Режим доступа: <http://www.awse.ru/publications/fortune/2riznich/>. Дата обращения 15.02.2017.
7. Трифонов, В.Г. Геодинамика и история цивилизаций / В.Г. Трифонов, А.С. Караханян. – М.: Наука, 2004. – 686 с.
8. Трифонов, В.Г. Динамика Земли и развитие общества / Труды Геологического института РАН; Вып.585 / В.Г. Трифонов, А.С. Караханян; отв. ред. М.Г. Леонов. – М.: ОГИ, 2008. – 436и: ил.ISSN

Материал поступил в редакцию 31.08.17.

ON THE JOURNALISM NATURE

A.I. Petrash, Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Associate Professor
Higher School for Printing and Media Industry,
Moscow Polytechnic University, Russia

***Abstract.** The journalism is considered as the information exchange need driven by the nature, which is used for the social order improvement. The journalism as one of society institutions develops together with society and is managed by the same laws, as physical systems. The journalism is not only a method of enquiry, but also a method of reality transformation. It has to be based on secure foundations, independent of different conjunctures, peculiar to natural systems.*

***Keywords:** journalism, information exchange, natural phenomenon, training of journalists.*

УДК 80

ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ ЯЗЫКА В КОНЦЕПЦИИ Ф. ДЕ СОССЮРА

Х.С. Аскерова, доктор философии
 Кафедра Немецкого языка,
 Азербайджанский университет языков (Баку), Азербайджан

Аннотация. В настоящей статье анализируется теоретическая концепция Ф. де Соссюра в свете последних работ немецких исследователей Й. Фера и Л. Егера, которые доказывают, что известный труд мастера был сфальсифицирован издателями „Курса” Ш. Балли и А. Сеше.

Ключевые слова: языковая теория, знак, означающее, означаемое, объект, билатеральность, значение.

Языкознание после Ф. де Соссюра вплотную занималось всесторонним изучением системы и структуры языка. Сегодня языкознание в оценке своей деятельности исходит из принципиальных положений фундаментального труда Ф. де Соссюра “Course de Linguistique General”, хотя известно, что книга эта не вышла из-под пера мастера, что она была продуктом фантазии Ш. Балли и А. Сеше, не являющиеся непосредственно учениками великого мастера. Она выпущена им в 1916 году, через три года после смерти Ф. де Соссюра, которая, по мнению соссюроевцев, совершенно не отражает научных взглядов Ф. де Соссюра, хотя, по общему признанию лингвистов, влияние ее на дальнейшую судьбу языкознания неотрицаемо велико. Эта книга не отражает то, как формулировались общетеоретические мысли Ф. де Соссюра относительно системы и структуры языка. Именно это имел в виду переводчик его книги на английский язык Джонатан Куллер, который писал в предисловии, что он считает преувеличение значения ее не оправданным, что в этой книге во многих случаях наблюдается слишком большое отклонение от концепций “Cours”-а. За последнее время благодаря исследованиям Й. Фера и Л. Егера найдены многочисленные „Записки “ и „Фрагменты“ Ф. де Соссюра и опубликованы им комментарии по этим документам. Исследователи лингвистического наследия мастера в один голос заявляют, что основные идеи свои Ф. де Соссюр изложил еще в магистерской диссертации “Me`moire sur le systeme primitiv des voyelles dans les langues indo-europeennes” („Очерк о системе примитивных гласных в индоевропейских языках“), опубликованной в 1878 году в Лейпциге, когда ему было всего лишь 21 год, в которой он подчеркивал, что объектом исследования исторических изменений должны быть не отдельные звуки, а те изменения, которые связаны с морфологическими факторами, т.е. они должны быть проанализированы в синхронно- морфологическом контексте. Эта мысль означала коренной поворот от диахронии к синхронии, непринятие атомистического позитивизма младограмматиков. Другими словами, звуковые элементы должны быть рассмотрены не сами по себе, а как факт словообразования, вызывающий изменения в языке в целом. Сразу после выхода в свет этой книги лингвисты высоко отозвались об этой работе, считая этот труд большим научным вкладом в сравнительное языкознание, большим революционным событием в теоретической лингвистике. Известно, что младограмматизм, долгое время господствовавший

в языкознании, не признавал системности языка, о чем свидетельствуют слова Г. Остгофа, одного из крупного представителя младограмматической школы: "Весь принцип Ф. де Соссюра, хотя я признаю его огромный ум в постановке и решении вопроса, несмотря на это считаю его подход к языку на деле ошибочным и рассматриваю его отклонением от в какой-то степени утвердившейся последовательности. Я считаю "Metsuar" не удачной работой и радикальной ошибкой."

Соглашаясь с В. фон Гумбольдом, Ф. де Соссюр считал, что было бы большой ошибкой отделить понятие от знака, бессмысленно брать звуковой знак как нечто внеязыковое существо. В. фон Гумбольдт подчеркивал в свое время, что брать означаемое языкового знака как нечто самостоятельное означало бы уничтожить все языкознание и достоинство всего языка, что было бы большой ошибкой. По В. фон Гумбольдту, отделить понятие от слова равносильно отделению человека от его лица. Говоря о В. фон Гумбольдте Н. Хомский писал: "Для Гумбольдта язык – это не совокупность изолированных феноменов – слов, звуков, индивидуальных языковых исполнений, он есть организм, связывающий все части друг с другом, каждый элемент которого образует генеративный процесс, стоящий в основе каждой формы". Ф. де Соссюр писал, что недопустимо отделить в знаке ("seme") в самом начале звуковую сторону от идейной стороны, т.к. в знаке означаемое и означающее представляют собой единое целое как человеческая личность.

Еще в 1890 году, говоря о литовской акцентологии, Ф. де Соссюр пытался раскрывать идею о языковой ценности исходя из семиологической сути языка. Он полагал, что грамматик, желающий изучать акцентуацию языка, должен прежде всего уточнить один вопрос, что ударение не является физическим феноменом, оно есть ценность, которая выполняет структурную функцию. Рассматривая язык как систему различий и сходств, Ф. де Соссюр не имел в виду абсолютную ценность. Ценность языковых единиц выражается в их противопоставленности и в их отличии от других единиц в пределах одной системы. Если исследование, которое изучает универсальную теорию фонации, выясняет абсолютную ценность моментального появления той или иной единицы, например, употребление z или o, это не имеет никакого отношения к языкознанию. Это было бы не идиосинхроническое, а панхроническое исследование. Истинное лингвистическое исследование, по мнению Ф. де Соссюра, не должно рассматривать языковые элементы как звуки, носящие простые, абсолютную ценность, а как аппозитивную, относительную и отрицательную ценность. Он считал бессмысленным изучение физических особенностей простых цветов в геральдике. Далее он считал бессмыслицей изучение деления слов на корни, основы и суффиксы в морфологии, точно также изучение ударения без внутренней связи. Он полагал, что работа исследователя будет только тогда продуктивной, если события будут рассмотрены во взаимосвязи и взаимоотношении. Ф. де Соссюр повторял эти идеи в своих "Notes" и на всех лекциях по общему языкознанию в Женевском университете. Он высказывал конкретные мысли, когда говорил о тех или иных вещах. Он писал, что, когда говорят о слове, нет смысла говорить о понятии и корне. Он писал в этой связи так: "Когда другие науки говорят об обосновании своих объектов, то они дают определение независимо от своего существования. Языкознание же свой объект определяет как сложный и трудный случай только при помощи точки зрения". Ф. де Соссюр считает, что объект существует всегда, но подход к нему может быть всегда разным. Суммируя все сказанное, лингвистические взгляды Ф. де Соссюра можно вкратце изложить так:

1. Язык есть система знаков. В этой системе элементы существуют не изолированно, а во взаимосвязи;

2. Языкознание может достичь поставленной перед собой задачи, если рассмотреть язык как системно-структурное образование. При определении объекта сравнительного языкознания Ф. де Соссюр основывается на языковой философии своего предшественника В. фон Гумбольдта, который писал, что сравнение особых свойств одного языка с аналогичными явлениями другого языка приводит к абстрактным идеям о языке;

3. Для раскрытия системно-структурных отношений языка необходимо рассмотреть язык в синхронном плане. Тем самым Ф. де Соссюр выступал против атомистического позитивизма младограмматиков, у которых он учился в молодости;

4. Ф. де Соссюр отстаивает позицию относительно того, что точка зрения предшествует объекту, в то время как марксизм-ленинизм считал такой подход неприемлемым, идеализмом.

Ф. де Соссюр подчеркивал, что субстратум не дан непосредственно в преднаблюдательной теории. Такое предположение было бы вечной ошибкой, даже его атом нельзя себе представить. Язык является изолированной суммой физиологических, физических и ментальных сил, и несмотря на это, нельзя предположить, что наша речь образуется произвольной предпосылкой этой субстанции; основная задача теории языка состоит в том, чтобы раскрыть его тайны нашими решениями. Поэтому Ф. де Соссюр требовал от лингвиста, чтобы он изучал не природу и физические особенности ударения, а выявил роль ударения в слове, т.к. природа ударения не имеет значения для выявления лингвистической сути его подобно тому как физические свойства не существенны для грамматики геральдики. Отсюда он заключал, что в лингвистике первой дана точка зрения. Следовательно, акцент сам по себе не может быть объектом лингвистических анализов. Акцент может быть конститутивным благодаря своей различительной функции, своим различием. Следовательно, акцент является для лингвиста релевантным не своим субстратом, а функцией. Первостепенной задачей для лингвиста является выявление существующих отношений между явлениями и вещами. Некоторыми своими мыслями Ф. де Соссюр предвидел то, что сегодня считается достижением когнитивной лингвистики. Эти мысли он высказывал в своих лекциях в Женевском университете. Л. Егер, собравший и опубликовавший лингвистическое наследие Ф. де Соссюра, писал в этой связи следующее: "Для языков основным является то, что в них с точки зрения их существования в каждый момент воспринимается сознанием говорящих в них. Реальностью называется тот факт, который существует в сознании субъекта". Далее он продолжает, что идентичность языковых явлений определяется не тем, что лингвист-теоретик прежде всего субстратуму настойчиво относит различительные признаки. В слове нет никакого специфического субстратума, к которому можно было бы отнести различительные признаки, напротив, эти различительные признаки есть сами эти слова. Если их изъять, то в них ничего не останется. Идентичность без остатка есть развитое различие в сознании говорящих в результате использования им языка в определенное время. В лингвистике объект образует различие. Совокупность различий, отличающая одну идентичность от другой, образует лингвистическое качество. Здесь особо подчеркивается относительность. Ф. де Соссюр считает важным рассмотрение одних языковых явлений в противопоставлении с другими, в оппозиции в пределах одного и того же времени. Эти оппозиции, которыми занимается лингвист, должны быть рассмотрены с точки зрения относительности. В языке (*langue*) нет никакого различия между любым семиологически (семиотически – Х.А.) определяемым в системе и элементом или признаком этой системы. Общим свойством языка как в любой семиологической системе является то, что в нем нет никакого различия между различаемым и элементами, образующими это различие.

Ф. де Соссюр развивал в своих "Заметках" в 1890 году в связи с акцентом деонтологизацию языковых свойств (*entity*) с трех точек зрения. Во-первых, идентичность языковых фактов не может быть изучена вне точек зрения, определяющих подход к ним. Во-вторых, идентичность языковых единиц не может быть изучена без учета различной и релятивной природы их. В-третьих, различие и относительность связаны с языковым сознанием, которое носители языка развивают, используя сеть языковой системы одновременно. В своих заметках, о которых говорилось выше, Ф. де Соссюр писал: "Языковая система (вечно современная система – *System momentane*) присутствует в вечно существующих ценностях на основе различий в своих оппозициях и реализациях". Эти признаки, будучи грамматического и морфологического характера, основываются на синхронии. Обобщая, можно сказать, система,

будучи всегда современной, имеет определенное количество элементов, существующих своими различиями, оппозициями и релятивностью. Языковые единицы должны быть проанализированы с точки зрения синхронической системы, т.е. их необходимо изучить в пределах своих уровней, противопоставляя их другим единицам. И это он демонстрирует на основе анализа ударения в составе слов. "Если мы хотим изучить, в чем состоит связь между акцентом и словом, тем самым мы определяем связи между ними. Только когда акцент в составе естественного слова можно определить роль акцента. Если акцент не берется как различительное средство между двумя словами, значит, оно ничто". Если все это не учтем, то все наши попытки обречены на провал, другими словами, работа, рассматривающая ударение вне контекста и с физической стороны, не будет иметь значения не для языка и не для лингвистики.

В 1890 году Ф. де Соссюр в своих заметках („Notizen“) и („Gartenhaus-Notizen“) развивал семиологическую теорию, выдвигая семиологическую идею на передний план. Он подчеркивал, что язык это мир знаков, что он претворяет свою семиологическую жизнь в тех условиях, когда языковые знаки несут ответственность для „конститутивности“, „циркуляции“ и „игры“ и потому являются предметом исследований. В связи с этим он писал, что „идентичность“, „звук“, „абсолютно“, „различная ценность“, „языковой факт“, „точка зрения“, „субстанция“, „субстратум“, „морфология“, „синхронизм“ и т.д. интерпретируются с позиции знаковой теории. Он вытаскил термин „морфология“ из старого употребления и придал ему новую жизнь. Морфология, по его мнению, занимается в пределах одного времени всеми видами равных ценностей. Тем самым Ф. де Соссюр отождествляет морфологию с теорией о знаках. Морфология рассматривает звук как знак. Он считал из всех знаков языковые знаки наиболее важными. Относительно мнения некоторых лингвистов, „будто Ф. де Соссюр в отличие от своих предшественников в знаковую теорию ничего нового не внес“, Л. Егер ответил, что это проистекает из полного непонимания его концепции. Согласно схоластической формуле, прозвучавшей в латинском языке как „aliquid stat pro aliquo“ (что-то используется взамен чего-то), Ф. де Соссюр считал деление знака как бинарной единицы на сигнификант (означающее) и сигнификат (означаемое). Считая толкование этого как арбитранность языкового знака ошибочным, Ф. де Соссюр писал, что звуковая фигура сама по себе ничто, равно как и понятие само по себе. В его понимании арбитранность должна пониматься как условное единство свободного значения и элементов выражения. „С идеей арбитранности связана прежде всего та центральная мысль, что языковой знак не определяется ни предъязыковым понятием и ни предъязыковой звуковой стороной. Обе стороны знака не даны заранее, наоборот они –результат синтеза знака“. Предлагая для обозначения этого синтетического единства, Ф. де Соссюр выдвигает термин „seme“. Тем самым он отвергает идею о заранее существовании обеих сторон и признает их неотделимое единство.

Известно, что термин „структура“ в языкознании введен для обозначения гумбольдтовского понятия внутренней формы („innere Form“). Ф. Шлегел тоже использовал „внутренняя структура“. Говоря о сравнении языков В. фон Гумбольдт широко пользовался терминами „внутренняя связь“, „своя структура“ или „своя система“ и выразил свое убеждение в том, что сравнение языков даст эффективные результаты для изучения языков. Ф. де Соссюр тоже был убежден, что при всяком сравнении „языковых фрагментов“ их идентичность, т.е. определение их ценностей должна происходить заранее. По его мнению, обобщение в области сравнения языков должно опираться на исследование их собственных структур. В отличие от тех ученых, которые считают систему и структуру одинаковыми, Ф. де Соссюр старается их отделить. В этой связи Л. Егер пишет следующее: „Только структурный подход позволяет идентифицировать языковые явления, показать их систематические, присущие каждому языку особенности, только таким образом можно сравнивать языки и выявить их различия. В понимании структуры Ф. де Соссюр в отличие от Б.У. Уитни и от видных представителей младограмматической парадигмы в значительной степени был близок к Шлегелю и Гумбольдту.“ Свои идеи о структуре и системе языка Ф. де Соссюр развивал в труде „Игра

знаков" ("Das Spiel der Zeichen"). Надо сказать, что о структуре и системе языка высказывались довольно много известных ученых. Назовем здесь лишь некоторые из них: Р. Якобсон, Е. Косериу, А.А. Реформатский, Ю.С. Маслов, Г. Шиви и др. Западная лингвистика, когда говорит о структурализме, в первую очередь имеет в виду Р.О. Якобсона, основоположника французского структурализма К.Л. Стросса, немецкого ученого М. Бирвиша и т.д. Многие языковеды особо подчеркивают роль Ф. де Соссюра в обосновании структурализма, хотя термин "структурализм" не упоминается им не разу. Пражский Лингвистический кружок во главе с Н.С. Трубецким, Р.О. Якобсоном и С.О. Карцевским способствовал развитию структурализма во всем мире. Сегодня многие языковеды мира считают себя структуралистами. За позднее время Ж. Пиаже был самым последовательным структуралистом. Под структурализм подводится учение о знаках и знаковой системе." Структурализм охватывает исключительно те науки, которые образуют систему значений (*systemes de signification*). Структурный анализ есть тот анализ кодов, который создают в различных материалах (в тональной и рисуночной субстанции, нарративных произведениях) условия в различных материалах сигнификантным и сигнификативным (*signifiant/ signifié*) связям." Как уже сказано выше, структурализм берет свое начало с XIX века, хотя его корни были заложены в трудах В. фон Гумбольдта. Однако в послегумбольдтовской лингвистике не были четко дифференцированы понятия системы и структуры. Но Ф. де Соссюр четко разграничивал их, понимая под системой сеть оппозиций языковых явлений, а под структурой сеть внутренних связей. Затем Л. Ельмслев значительно расширил понятие структуры, внося в языкознание много новшеств как в отношении структур означаемого (*significat*), так и означающего (*signifiant*). В последнее время американский лингвист Н. Хомский, различая поверхностную и глубинную структуры, сумел показать универсальность лингвистических структур. Его идеи о возможности производить при помощи трансформационных правил множества предложений позволяют заключить, что лингвистические структуры являются врожденными.

Л. Егер, изучивший лингвистическое наследие Ф. де Соссюра, пишет, что классические номенклатурные теории о знаках полагают, что значения знаков находятся в „корнях вещей“. Известно, что соссюроведы, интерпретируя суть знаковой теории Ф. де Соссюра, подчеркивают, что он указывал на особый признак знаков, а именно на их двусторонность, т.е. билатеральность. Но вопрос у него совершенно в другом. Не верно определить знаки как "ценности" (*valeurs*), соответственно как парасемы (*parase`mes*). Все признаки знаков, в особенности их способность выражать значения, вытекают из структурных особенностей элементов, принадлежащих к знаковой системе. Поскольку связь знаков с понятиями объясняется через связь с понятийным представителем их прежнего мира, а не из того, будто они образованы из онтологической структуры. В "Notes item" Ф. де Соссюр вносит ясность в терминологическую сторону проблемы. Он различал "звуковую фигуру", выступающая как оболочка знака ("apose`me"), в перспективе определенная звуковой стороной, и термином, распространяемым внутри "психологической знаковой системы" "paease`me". Как видно, Ф. де Соссюр исходит не из бинарного, а из тернарного противопоставления. Отсюда вытекает, что Ф. де Соссюр, как многие полагают, например, Э. Бенвенист, отрицает референциальную величину знаков, принадлежность их к вещам пресемиологического мира и считает, что так думать – значит, терять время впустую. Тем самым он исключает понятие референса из теории инференционной связи знаков к знакам. Ф. де Соссюр считает неверным включать обозначаемые объекты как факты, как важные элементы к знаковой теории. Естественно он полностью не исключает принадлежность знака к элементу мира, это он оценивает при определенных условиях как референциальный процесс. Выражая свое отношение в связи с именами, он считает, что соответствия имен объектам знаков (например, лошадь, огонь, солнце и т.д.) случайными. То, что "seme" является в психической ассоциации третьим элементом, наличие сознания с внешним миром, служат достаточным основанием выступить против общего закона о знаке. Ф. де Соссюр пишет, что, если слово относится к реальному миру, это вовсе не значит, что сущность предмета дает слову позитивное значение. Он вновь подчеркивает,

что знак должен быть определен по отношению к другим знакам, чтобы быть отнесены к другим предметам. "Позитивные" знаки и знаки "с абсолютными значениями" бессмысленные и неопределенные вещи. В "Gartenhaus-Notizen" Ф. де Соссюр показывает свою правоту на нескольких примерах. В высказывании "Солнце светит" слово /солнце/ является, как и слово "луна", совершенно позитивным, оно выражает конкретное понятие. Например, мы говорим: "Отойди от солнца". В высказывании "Больше на солнце не лежи!" Слово "солнце" противопоставляется "тени". Также "тень" противопоставляется "свету", выражая негативное значение. Таким образом, значение каждого слова можно выявить, противопоставляя его другим словам. "Найти каждому слову противопоставление – пишет Ф. де Соссюр, – архисложно". В слове "луна" нет правильного, позитивного понятия, есть только выбор одного из них. Следующие слова Ф. де Соссюра имеют для нас важное значение: "... основной признак словесной семантики состоит в том, что она дается говорящим не эксплицитно, не в виде позитивных форм, организованная в семантической сети "ниже сознания", функционирующая как негативное действие знаков как имплицитное знание." Для того, чтобы осознать у носителей языка оппозицию слова "дух" слову "душа" или "сознания" надо исходить из "языкового чутья", "тонкого чутья"(отметим, что И.А. Бодуэн де Куртенэ часто пользовался термином "языковое чутье"), тем самым этим можно показать противопоставление этих слов тысяче других слов. При чем все это основывается на фактах негативных противопоставлений. Только таким способом можно выявить позитивные ценности знаков. Существование материальных ценностей, точно так же существование других субстанций, не имеет смысла для языкознания. Кстати, именно этот тезис был заложен Л. Ельмслевым и его последователями в основу глоссематики. Для языка и его исследования важна парасемическая сеть знаков, которая определяет суть языка, а не пресемантическое, онтологическое расположение различий предметов объективного мира.

Подытоживая сказанное выше хочется внести ясность в один вопрос. Интересно узнать, в какой степени отражает "Cours de linguistique générale" („Курс общей лингвистики“), опубликованный от имени мастера, языковую концепцию Ф. де Соссюра? Можно ли согласиться с прогнозом В. Штрайтберга о том, что автор "Me`moire"-а не будет жить в послессоссюровской памяти лингвистики. Можно ли считать, что этот тезис не оправдал себя? Но слава Ф. де Соссюра после его смерти нельзя объяснить ни бриллиантовыми идеями, которые он выдвигал в Лейпцигский и Парижский периоды своей деятельности по сравнительному языкознанию, и ни фрагментарно-афористическими текстами Ф. де Соссюра в первое десятилетие своей деятельности в Женевском университете, которые доводятся до общестественности вот уже 50 лет Р. Годелем и Р. Энглеком. Эту славу принесла ему книга "Курс общей лингвистики" ("Cours de linguistique générale"), автором которой он не был, подготовленная к печати и опубликованная женевскими учеными Ш. Балли и А. Сеше, которые на самом деле не были непосредственными учениками Ф. де Соссюра, хотя при написании книги были использованы некоторые конспекты слушателей его лекций в 1907 и 1911 гг. По мнению Л. Егера, Ф. де Соссюр по крайней мере по двум причинам не дал бы согласие быть автором этой книги: во-первых, потому, что прочитанные им в 1890 году лекции по общему языкознанию были далеки от афористических положений 1870 года по дидактическим причинам; во-вторых, Ф. де Соссюр считал, что его отношение к проблемам языка и знаковой теории не нашло своего полного выражения. Ф. де Соссюр говорил в 1909 году своему ученику Альберту Ридлингеру о том, что его идеи относительно философии языка и знаковой теории не четко и последовательно продуманы до конца. Поэтому Ф. де Соссюр не согласился бы быть автором книги, опубликованной против его воли. Ш. Балли и А. Сеше оказывали сопротивление не только против опубликования конспектов слушателей Ф. де Соссюра, их намерение заключалось в том, чтобы лекции мастера по общему языкознанию были приспособлены к их воле. Их волевое решение будто полностью отражало идеи Ф. де Соссюра. В связи с этим Л. Егер пишет следующее: "Прежде всего было принято такое решение, что граница между автором и издателями должна быть стерта так, чтобы у читателей не возникли бы сомнения

"объективной" и "действительной" передаче мыслей Ф. де Соссюра в курсе". Таким образом в книге не соблюдена хронология лекций, взамен этого издатели использовали конспекты слушателей по своей воле. Р. Энглер в критическом издании курса (Kratylos, 4, 1959, s. 119-132) раскрывает источники этой системности. В предисловии книги издатели пишут, "...что они вдавались в корни мыслей в отдельности, упорядочили их с точки зрения общей системы, освободив их от отклонений и сомнений, придавая им вид лекций". Курс структурно составлен так, что в нем трудно найти что-то от задумки Соссюра. Виноватым здесь является А. Сеше, который впоследствии считался теоретиком Женевской школы. Этот человек в статье о Женевской школе, написанной им в 1927 году, высокомерно говорил о себе, будто ему обязано языкознание понятиями системы и структуры. Он хотел показать, что он не только устранил все недостатки, наблюдаемые на лекциях Ф. де Соссюра, но даже в этой области имеются его заслуги. На самом деле А. Сеше многие идеи приписывал Ф. де Соссюру, не принадлежащие ему. Издатели преподнесли идеи Ф. де Соссюра о языке и знаковой теории в духе конвенционального структурализма, который был чужд мастеру. Так как Ф. де Соссюр не принимал индукционалистскую программу позитивизма младограмматиков, он критиковал их индукционалистскую программу. А это отразил вновь создаваемый структурализм и способ мышления А. Сеше. Издатели наотрез отказались от использования "Заметок" как источника информации. Они не выполняли свои обещания, данные в предисловии, будто использовали "все источники, в том числе его собственные заметки". Р. Годел взял под сомнение, будто издатели использовали "Заметки" Ф. де Соссюра в статье, написанной им в 1954 году. Издатели изменили содержание отдельных текстов, смешивая параллельные источники, изменили понятия, прибавляя от себя дополнения, нарушили внутреннюю связь соссюрского текста (Qodel, 1959, s. 97). Давно известно научному миру, что издатели при составлении "Курса" отказались от фрагментарных заметок и дневника Ф. де Соссюра. Они не только не учитывали их, они даже не интересовались этими мыслями. Ф. де Соссюр считал ошибочным определение факта языка сам по себе. Он исходил из того, что для доказательств в действительности нет такой исходной позиции, которая бы была лучше других. А. Сеше написал на полях этих заметок "не нужно", "это полностью вычеркнул наш издатель", "эта дистанция, которая отделяет Ф. де Соссюра от своих учеников". Между тем "Cours" навязывается читателям как противоречащая теоретической программе Ф. де Соссюра. Ирония вызывает тот факт, что преподнесение в "Cours"е теоретических идей и парадигм дихотомического структурализма Ф. де Соссюр резко критиковал Дж. Лепши, а также А. Мартине высказывает мнение о том, что Ф. де Соссюр, который оказывал на структурализм "постоянное", "продуктивное" и "глубокое" влияние своими "Заметками" и Женевскими лекциями, никак не мог согласиться с такой оценкой его наследия, а также с таким преподнесением его учений в том виде, как это сделано после публикации "Курса". Добавим, что Ф. де Соссюр также не мог согласиться с утверждением того, что "язык существует сам по себе" и что, как говорит Л. Ельмслев, "язык представляет собой чистейшую форму, существующую независимо от социальной реализации и материальной манифестации". Иначе говоря, мастер не смог мириться с структуралистическим имманентизмом лингвистического предмета. Но к сожалению, в книге все это преподносится как учение Ф. де Соссюра. Между тем в первичной доктрине Женевской школы, в начальной деятельности Пражского Лингвистического кружка, а также в лекциях выдающегося представителя и одного из основателей Копенгагенской школы Л. Ельмслева подробно говорится о влиянии на них Ф. де Соссюра. Как известно, последнее предложение "Курса" гласит так: "Рассмотрение языка сам по себе является истинным и единственным предметом." Вероятно, это было не предложением самого Ф. де Соссюра, а добавленное Ш. Бали и А. Сеше к концу текста. Эти мысли высказываются в трудах обоих лиц как высказанные ими в пользу имманентизма Соссюра. Ш. Балли в своем письме Л. Ельмслеvu особо подчеркивает имманентизм в лекциях мастера, указывая на последнее предложение "Курса". В книге не ярко показывается позиция Ф. де Соссюра в плане отмежевания его от господствовавшего в то время младограмматизма. В ней четко

прослеживается изменение парадигмы в теории от индукционализма к конвенционализму. А это прежде всего связано с тем, что может ли язык быть объектом исследования? Во-вторых, чем определяется природа языка как исследовательский предмет – его природой или свободным выбором? На эти вопросы структурализм отвечает так: сначала предполагалось, что научное осмысление отдельных языков невозможно, т.е. язык непосредственно не подлежит наблюдению, для этого необходима определенная теоретическая подготовка, что дает основания определить язык как объект исследования. Структуралистский способ мышления, исходя из критического соображения, предполагал, что в отличие от позитивизма научно-мыслительный конвенционализм идею мыслительного обоснования может определить непосредственно практикой. А. Сеше был уверен, что "анализ языка" не дело наблюдения, господствует над разумом благодаря анализу предметной сложности, тем самым мы убегаем от конфузии наблюдательной неизбежности. Далее согласно идее, которая составляет ядро конвенционалистского подхода, факты, выводимые из волевых решений, кажутся объективными. Но если они будут признаны как обязательные вещи, интересно, почему тогда теоретическое сознание не принимал их. Структурализм утверждает: для него совершенно очевидно, что если языковые факты при наблюдении не даны непосредственно, то они должны быть определены в рамках избранной гипотезы. Выбор структуралистского метода осуществляется не объектом исследования, а волей исследователя, как говорил Э. Бенвенист, "...мы можем определить объективную реальность предмета конкретным теоретическим подходом, который надлежит определению заранее."

Для всех этих размышлений основанием послужило одно предложение "Курс"а: "Нельзя сказать, что изучение объекта предшествовало точке зрения; наоборот, точка зрения должна предшествовать, чтобы создать объект." Мысль, выраженная здесь относительно связи предмета и точки зрения, послужила основанием для развития структурной лингвистики в настоящее время, для легитимности "структурного имманентизма". Поскольку теория о языковых фактах не может приниматься ввиду ее несуществования, в перспективе надо учесть, что только они, языковые факты, могут быть признаны теоретически стабильными. Ф. де Соссюр потому раскритиковал младограмматиков, что они, младограмматики, исходили из того, что отдельные языковые данные существуют как заранее наблюдаемые факты, и они могут быть использованы для умозаключения и для идентификации. Ф. де Соссюр же выдвигал идею о возможности идентификации на уровне категориальных знаний. Существенное отличие между "Курс"ом и "Заметками" состоит в том, что мысли, высказанные о лингвистической идентификации в "Заметках", не являются соображениями исследователя о фактах, самовольно избранных им. Издатели же перевернули эти идеи вверх ногами. Между тем, в "Заметках" читаем: "В языкознании мы, конечно же, сначала обрабатываем существующие точки зрения, они могут быть верными или ошибочными, только те из них, с помощью которых мы создаем вещи во второй раз. Если исходная точка зрения теоретически будет правильной, то она будет совпадать с созданными нами языковыми реальностями. В противном случае этого делать нельзя". В основе языкового знания, которым пользуется говорящий, находится то знание, которое является решающим в идентификации языковых явлений. Компетентный носитель языка (сегодня русское языкознание называет это языковой личностью – Х. Аскерова) достигает высоты языковых знаний благодаря "теоретическим поискам". В перформансе носителей языка находится теоретическая воля языковеда, так как связь, восстановленная между предметами, существуют до самих предметов, и она служит тому, чтобы определить эти предметы. Таким образом, первое возражение связано с тем, что является первичным – точка зрения или предмет? Второе возражение связано с первым, а именно с тем, какова взаимосвязь между формой и субстанцией? Издатели полагают, что язык должен быть рассмотрен в своей абстрактной форме, т.е. как бессубстанциальная, дематериальная форма. Другими словами, язык должен быть изучен независимо от социальной реализации и материальной манифестации как чистая форма, а также независимо от историчности. Эти возражения Ф. де Соссюра относительно структуралистского имманентизма,

выраженного в "Курс"е, опираются на следующие две мысли: язык сам по себе является единственным истинным объектом и язык есть форма, а не субстанция. Возражения Ф. де Соссюра против этой программы нельзя обеспечить, опираясь на "Курс". Если теоретическая точка зрения, определяющая объект, является не свободной, не может быть выбрана как исходная гипотеза независимо от изучаемого объекта, наоборот, если она обосновывается с обязательной и внутренней необходимостью самим объектом, тогда она не может идеально абстрагироваться от исторических и социальных величин. В действительности даже предложение, сыгравшее как ключ для структурного имманентизма, взято из „Курс“а, принадлежит не Ф. де Соссюру, а издателям. Поэтому необходимо отметить, что "Курс" не является зеркалом источников Ф. де Соссюра, а манипуляцией издателей, что было решающим при структурном подходе к языку. Ф. де Соссюр никогда не придерживался того мнения, что язык сам по себе, освобожденный от историзма и дискурсивности, стал объектом теории языка. Напротив, он при определении своего объекта исходил из универсального, социально-психологического, семиологического принципов, имеющими важное значение для разных языков. Они составляли основу его языковых идей. Под языком он понимал истинные языковые условия каждого конкретного языка. Для него язык представляет собой единство звуков, звуковой системы и идей. Это единство, семиологический синтез достаточны для того, чтобы реализовывать язык. Ф. де Соссюр считал возможность рефлексии идентификации языковых знаков не только первичным условием, но и задачей лингвиста. Л. Егер полагает, что идея о том, что язык не есть субстанция, а форма, принадлежит не Ф. де Соссюру, а издателям. Он не принимает первичность звуков и вторичность значений, он говорит об соответствии, ни в коем случае о субстанции или о двух субстанциях. Существует мнение о том, что языковые знаки не приклеены друг к другу, а их синтетическое единство не означает, что материальная сторона должна быть проигнорирована. Его идея о том, что фонетическая субстанция не есть форма, что было направлено против младограмматического течения, не должна была привести к ошибочным мыслям структуралистов, что как будто язык представляет собой форму независимо от субстанциональности конкретных речевых актов. Это было соображение, далекое от мышления Ф. де Соссюра. Материальность языка, его социально-историческая субстанциональность является важнейшим вопросом для конституции языка. Третье возражение связано с синхронией и диахронией подхода к языку. Если язык является формой без субстанции, то противопоставление синхронии и диахронии, языка и речи не может приниматься. Ф. де Соссюр выступал бы против научного статуса, точно так же против его научного значения. Он не согласился бы ни с такими методическими перспективами такой дифференциации, с таким подходом, соответственно, с такой точкой зрения. Он концептуально не мог согласиться с тем, чтобы "синхрония" и "язык" дихотомически противопоставлялись "диахронии" и "речи", чтобы язык стоял над ними. Поднятые в "Course" в тенденциозном виде речь, дискурс, а также диахрония, их комментарии на полях теории не соответствуют соссюровскому пониманию и намерению. Для Соссюра противопоставление "синхронии" и "диахронии" равно и как противопоставление "языка" и "речи" является собственно величинами языка, они составляют неотделимое диалектическое единство. Соприкосновение современности с прошлым, языковой системы с речью является тонкой точкой языковой теории. В знаковом пространстве взаимодействует синхронность и историчность, системность и дискурсивность. Синхронность и историчность являются структурными признаками языка. Эти ценности как система предметов характерны для всех наук. Языковые знаки выступают как ценности на пересечении синхронии и диахронии. Сознательное и историческое состояния во взаимодействии образуют два пути знаков. Знак одновременно обладает конвенциональной и исторической природой. Языковой знак, с одной стороны, закрепляется в сознании, т.е. в языке, с другой стороны, как исторический факт постоянно повторяется в речи, подвергаясь изменениям. "Каждому существующему знаку каждый момент относится определенная ценность. Эта ценность определяется совокупностью знаков, употребляемых или не употребляемых одновременно; так как количество и взаимные или относительные

аспекты знаков без конца изменяются, результат этой активности сказывается на каждом знаке или на совокупности знаков, изменяясь в неопределенном количестве".

Структурная особенность языка состоит в том, что его синхронная система ценностей, определяющая каждый раз сознание говорящих, подвергается возможным трансформациям, повторно употребляясь в речи. Если учесть опыт аналогии, то, что Ф. де Соссюр назвал "морфологическое изменение" или "парасемическое творчество", обеспечивает новое применение элементов, созданных в прежнем состоянии языка. Историческое пространство, можно сказать, что настоящее время, есть сцена, которую сценирует история. Именно поэтому логическое преимущество создается не по волевому решению, а проистекает из исторической диахронии. Синхронность языка в отличие от историзма приобретает систематическое преимущество, он берет семиологическое значение как пространство конституции. Значение может быть принципиально интерпретировано синхронностью. Язык можно использовать только при одном языковом состоянии. Ф. де Соссюр подчеркивает, дискурсивно-синхронный метод знакового процесса структурно потому относится к истории, что мы здесь занимаемся одновременно тем пространством, где историческая трансформация приобретает значение в потенции, потому что использование каждого знака виртуально означает акт нового использования знака. Четвертое возражение Ф. де Соссюра состояло бы в следующем: разграничение в "Курс"е языка и речи означает разграничение социального аспекта от индивидуального, важного от случайного. Антиномию эту, поднятую в "Курс"е, Ф. де Соссюр обосновал практически в своей третьей лекции. Он не противопоставлял язык и речь, а язык (*langue*) языковой деятельности (*faculte` du language*). В этом противопоставлении индивидуальная языковая деятельность, физиологическая артикуляция звуков противопоставляется языку. В отделении языка (*langue*) от языковой деятельности (*faculte` du language*) предусматривается следующее: социальное должно отделяться от индивидуального; необходимое должно отделяться от случайного. Ф. де Соссюр считал "неважное" и "индивидуальное" физиологической деятельностью для произнесения звуков. Однако этим он речь вовсе не считал дискурсивным моментом языка. Совершенно очевидно, что А. Сеше ошибочно понимал концептуальную позицию по языку и речи. Критикуя В. Вундта, А. Сеше писал, что В. Вундт не видел систему диспозиций языковых привычек. Между тем это было если не единственным, то важным предметом теоретической лингвистики. Объектом теоретической лингвистики является сам говорящий человек, который подчиняется законам языка. Комментарии А. Сеше по противопоставлению языка и речи в действительности предрешил судьбу "Курс"а. Дискурсивный момент языка, *parole* для Ф. де Соссюра не есть пространство индивидуальной экзекуции парасемической языковой системы, а одновременно пространство интерактивной реализации этой системы, язык (*language*) есть одновременно применение и реализация языка (*langue*). Ф. де Соссюр в "Заметках" и лекциях не разграничивает социальное (важное) языка от индивидуального (неважного) в языке. Он оба понятия определял критерием оппозиций "актуально-виртуальное" и "индивидуально-социальное". На виртуальном (*in absentia, passiv*) уровне индивидуально-языковое понятие в субъективно интернализированном понимании языка он отделяет от понятий "tresor", "depot", "magasin", "memoire", которые определяют язык как социальное. Последнее соответствует межсубъектному, общественному (семиологическому) институту. Он характеризуется понятиями "crystallisation sociale", "produit social", "saction social". В актуальном смысле (*in presentia, aktiv*) он понятие индивидуальное *parole* как возможности создания интернизированной, интерсубъектной реализации от дискурсивного употребления языка в социальном смысле, интерпретирует как "аналогическое", "морфологическое" и "парасемическое" творчество. Исходя от языкового генезиса и диалектики существования, Ф. де Соссюр придавал большое значение генетическому дискурсивному моменту. Все, что говорится с дискурсивной целью, является *parole*. Совокупность языковых слышимых и применяемых формул, хранимых в сознании индивидуума, есть *langue*. Из этих двух сфер *parole* есть самое социальное, другая же самое совершенно индивидуальное. Язык – индивидуальной резервуар. Все, что создается в языке заново, относятся к социальной стороне.

Итак, все сказанное подтверждает тот факт, что издатели "Курс"а, какие бы они благодарные дела не делали, толковали языковую философию и знаковую теорию Ф. де Соссюра ошибочно. Во-первых, они через "Курс" и его влияние на историю лингвистики связывали имя мастера с имманентным языковым мышлением, смогли концептировать язык в горизонте двух мировых онтологий. Согласно этому язык должен быть интерпретирован как акцентное и разговорная речь "сама по себе". Мышлению Ф. де Соссюра не была чужда гипотеза языка, передача историчности на периферию языковой теории. Во-вторых, мнение, что "Курс" будто соответствует систематическому плану мастера, не соответствует истине. Интеллектуальная физиономия Ф. де Соссюра осталась издателям не раскрытой.

Женевский период жизни Ф. де Соссюра характеризуется графобией, он отдалялся от общества и занимался своими делами. Этот период ознаменуется афоризмами. Такая судьба постигла, как известно, также Л. Витгенштейна. Одинаковые мысли Ф. де Соссюр развивал с разных точек зрения. Такой фрагментарный характер может быть объяснен его эпистемологическим поведением, которое нашло свое выражение в виде афоризмов. Он писал: "Мы подошли к тому, что рассматриваем как действительность, различными путями и признаемся, не знаем того, чему мы отдаем предпочтение. Мы должны были найти исходную позицию для нормального представления всех наших предложений. Но все, что мы хотим подтвердить, принимать как факт, определяемый в языкознании сам по себе, ошибочно. В действительности у каждой исходной точки есть необходимое отсутствие и если какой-то читатель хочет проследить наши мысли внимательно, тогда поймет с начала до конца этой книги нашу уверенность о том, что, как говорят, придерживаться строгих правил невозможно. Мы стараемся третьей или четвертой попытками добиться представления у читателя различными формами, потому что нельзя найти такую точку зрения, которая была бы наиболее близкой к обоснованию аргументов."

Из этой цитаты вытекает, что язык сам по себе не может быть единственным объектом. По Ф. де Соссюру, возможно раскрытие сложности языковой философии разными, противостоящими друг другу путями. Речь не идет об аксиомах, принципах и тезисах. Ф. де Соссюр выражал необходимость языковой теории при помощи афоризмов. В отличие от этого в "Курс"е благодаря усилиям А. Сеше идеям Ф. де Соссюра приписан характер "не афоризма", в то же время и систематический-дефинитивный характер, что означало совсем другое, не достойное имени ученого мышление.

Тезисы, которые Ф. де Соссюр развивал в своих "Заметках", состоят в том, что он старался в языкознании найти пограничные феномены. В то время, когда еще когнитивный подход к языку не был так развит, Ф. де Соссюр однозначно выступал за смену лингвистической парадигмы в сторону создания новой интеллектуальной картины, указал на необходимость создания новой лингвистической парадигмы. В то время шла борьба между отдельными науками о проведении четкой границ между ними, с другой стороны, наблюдалось оказание сопротивления со стороны гуманитариев внедрению естественнонаучных методов исследования гуманитарных наук. Языкознание своими филологическими и сравнительными исследованиями сыграло большую роль в развитии мышления. Не поверив в состоятельность старой парадигмы, Ф. де Соссюр брал на себя миссию исследователя языка в теоретическом и практическом направлении. Он резко критиковал господствующую позитивистскую программу Лейпцигской школы. Он теперь не думал о развитии методов сравнительного языкознания, а о том, как показать несоответствия теоретическим ожиданиям понятия языка, которые лежат в основе исследований этой школы. Ф. де Соссюр не искал ответа на вопрос "как исследовать методически язык?", он хотел определить, в чем состоит предмет языкознания. Как в Лейпцигский период жизни, так и в годы проживания в Париже, Ф. де Соссюр уже не думал о критике сравнительного метода, его теперь беспокоило развитие программы о соотношении языка и речи. Пути решения этого он видел в методологической реформе в языкознании. Теперь в своих взглядах он хотел обосновать язык как объект мышления, величины его сложных связей, их пересекающиеся и внутренние зависимости. Те были тонкие нюансы

его подхода к языку, пределы теории и расположение новых смысловых и терминологических понятий. В концепции Ф. де Соссюра важное место занимали выяснения противопоставлений абсолютных и относительных категорий значений и ценностей, равновесий и информаций, языкового мышления и дискурса, возможных и точных речей. Для него единственно проблематичным был вопрос об условиях идентификации языковых фактов. В "Заметках" Ф. де Соссюр писал, что, когда остаешься с языком (*langue*) непосредственно лицом к лицу, не думаешь о том, чтобы рассмотреть языковые единицы и сделать выводы для их понимания и другие структурные единицы как языковые. В спорах с Д. Уитни и с младограмматиками он четко осознавал, что идентификация языковых, семиотических фактов является тонким вопросом лингвистики, так как существование языковых фактов непосредственно нам не дано. Определяя языковые факты, лингвистика не только выполнит свою главную задачу, но и осмысляя их полностью будет выполнять свою задачу. Для младограмматиков проблема идентификации языковых явлений была не менее тривиальной. Занятая в этом вопросе позиция младограмматиков в конце XIX века привела их к тому, что они затерялись в лабиринтах языка. Взяв язык как ошибочную реальность, они столкнулись с трудным вопросом: "...где призрак и где реальность?" Вне связи идентичности нет никакого языка. Мы должны всегда возвращаться к вопросу, как образует сущность языка языковую идентичность. В заметках о нибелунгах он писал, когда мы говорим о слове, о мифической личности и об одной букве алфавита, то все это ничего не значит, кроме различных форм знака, причем в философском смысле слова. Знак есть синтетический результат действия духа, а идентичность суждения. Только такое категориальное наблюдение позволяет осознать языковые единицы как дистинктивные и самоидентичные явления и их различия.

Ф. де Соссюр соглашается с определением основ социальных наук. Суждение об идентичности играет решающую роль в реальности и фантомности языковых фактов. Но языковеды в послессоссюровский период были не свободны в понимании теоретических суждений, как это предполагали структуралисты. Такие суждения могли быть обоснованы, когда мы опираемся на языковое чутье говорящего субъекта. То есть реально то, когда оно определяется языковым знанием. Критерии идентификации языковых единиц есть суждение о лингвистической идентичности, они создают легитимную базу в идентификационных суждениях субъектов. Метод очень прост. То, что языковое сознание узнает, принимает, это реально, не узнанное же не реально. Это проверяется внутренним наблюдением языка. Семиологическое знание дает возможность говорящим, чтобы они в бессмысленном звуковом потоке, узнавая, принимали языковые факты в соответствии с обозначением их специфической реальности и произнося их как знаки, имеющие смысл. Эти когнитивные акты существуют не только в языковом сознании, но и проходят как реализованные через артикуляцию и циркуляцию знаки. Социальное повторение, т.е. дискурс, происходит вечно. Знаковый синтез является внутренним процессом, это не просто психологическое правило, он должно быть рассмотрен как семиологическая операция. Когда язык хочет быть настоящей речью, дискурсом, так как в речи соблюдаются ментальные и дискурсивные условия, только тогда полностью осуществляется семиологическая операция носителями языка. Итак, резюмируя вышесказанное, можно заключить, что "Курс" не отражает основные идеи Ф. де Соссюра о языке и знаковой теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де. Соссюр. – М., 1967.
2. Benveniste, E. *Problèmes de linguistique générale* / E. Benveniste. – Paris, 1966
3. Benveniste, E. *Ümumi dilçiliyin problemləri* / E. Benveniste. – Bakı, 2014.
4. Boduen de Kurtene, İ.A. *Dilçiliyə dair əsərləri* / İ.A. Boduen de Kurtene. – Bakı, 2014.
5. Busse, D. *Semantik* / D. Busse. – W. Fink Verlag, UTB, Paderborn, 2009
6. Chomsky, N. *Cartesianische Linguistik. Ein Kapitel in der Geschichte des Rationalismus* / N. Chomsky. – Niemeyer Verlag, Tübingen, 1971.

7. Fehr, J. Saussure. Zwischen Linguistik und Semiologie. Ein einleitender Kommentar / J. Fehr. – In: „Saussure“, 1997. – S.17-226.
8. Fehr, J. Saussure. Zwischen Linguistik und Semiologie. Ein einleitender Kommentar / J. Fehr. – In: „Saussure“, 1997. – S. 17-226;
9. Fehr, J. Saussure. Zwischen Linguistik und Semiologie. Ein einleitender Kommentar / J. Fehr. – In: „Saussure“, 1997.
10. Geckeler, H. Strukturelle Semantik und Wortfeldtheorie / H. Geckeler. – W. Fink Verlag, München, 3. Aufl., 1982.
11. İbsen, G. Der alte Orient und Indogermanen / G. İbsen. – In: „Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für Wilhelm Streitberg“. – Heidelberg, 1924. – S. 200-237.
12. Jäger, L. Ferdinand de Saussure. Zur Einführung / L. Jäger. – Junius, 2010.
13. Lepschy, C. Die strukturelle Sprachwissenschaft. Eine Einführung / C. Lepschy. – München, 1969. – s. 31.
14. Martinet, A. Strukturelle Sprachwissenschaft / A. Martinet. – In: Naumann, 1973.
15. Saussure, F. de. Course de Linguistique de General / F. de. Saussure. – New York City, 1966.
16. Saussure, F. de. Course in General Linguistics / F. de. Saussure. – N.-York City, 1966.
17. Schiwy, G. Neue Aspekte des Strukturalismus / G. Schiwy. – Dtv. Wissenschaftliche Reihe. Deutscher Taschenbuch Verlag. München, 1973.
18. Veysəlli, F.Y. Struktur dilçiliyin əsasları / Veysəlli, F.Y. – Studia Philologica I. Bakı, „Mütərcim“, 2005; həmin müəllif: Azərbaycan dilinin funksional qrammatikası: fonemika/morfemika. Bakı, Prestige, 2014; həmin müəllif. Dilçiliyin əsasları. Bakı, „Mütərcim“, 2013. Bax həmçinin: Volmert J. (Hg). Grundkurs Sprachwissenschaft. 5. Aufl., W. Fink Verlag, München, 2005.

Материал поступил в редакцию 31.08.17.

ISSUE OF LINGUISTIC THEORY IN THE F. DE SAUSSURE'S CONCEPTION

Kh.S. Asgarova, PhD.

Department of the German Language,
Azerbaijan University of Languages (Baku), Azerbaijan

***Abstract.** This article deals with the issues of language theory in classical work of F. de Saussure. The postsaussurean linguistics goes out of the book by F. de Saussure, which was published by Ch. Bally and A. Sechehaye and rigged again ideas of his author.*

***Keywords:** linguistic theory, sign, significant, signified, object, bilateralism, value.*

УДК 81-2

РАЗВИТИЕ У ГЛАГОЛОВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ КОИТАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ (*TELKTI, *РЪХАТИ, *TERTI)

И.А. Горбушина, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва), Россия

Аннотация. В приведённой статье рассмотрены три древних глагола хозяйственно-го действия, приобретших специфические значения, относящиеся к интимной сфере жизни. В работе показано, как трансформируются исконные значения литературных глаголов.

Ключевые слова: глагол, действие, интимная сфера, изменение значения, коннотация.

Глаголы с семантикой движения чаще всего восходят к обозначению рабочих процессов и представляют собой один из самых древних языковых пластов, так как относятся к сфере самых ранних действий человека.

Однако в связи с изменением повседневной жизни носителей языка глаголы, обозначающие действия, начинают утрачивать своё исконное значение. Некоторые из них исчезают или уходят на периферию языка вместе с действиями, которые они обозначали (**prēditi* «прясть», **tъkati* «ткать»), другие развивают переносное значение, иногда очень далекое от первичного (**prētati* «прятать», которое изначально было термином, относящимся к подсечному земледелию, потом стало обозначать «убирать, одевать» (отсюда *опрятный*), а также «хоронить»).

В данной статье рассматриваются три глагола действия: **telkti* «толочь (зерно в ступе)», **ръхати* «толкать, толочь» и **terti* «тереть». Все они в определенном контексте стали обозначать фриксию, т.е. движение, совершаемое во время полового акта.

**telkti*. Одно из достаточно старых значений глагола **telkti* – «распутничать», о чём свидетельствуют его производные *толочьнь*, *толока*: «А двцо кто оумлѣвит дасть ю в *толокоу*, на оумлвеници стлю гривну сребра, а двѣ за срамъ г гривны, а на *толочнехъ* по гривень, а кнзь казнит (Переяслав. летопись, 42); А дѣвку умолвить кто к себѣ и дасть в *толоку*, на умолвници епископу 3 гривны сребра, а дѣвицѣ за соромъ – три гривны сребра (Софийская I летопись, 121); А се грѣхы аще кто иметь женоу в *толоку* (Великие Четьи-Минеи, август 31, лл.1384–1385 – см. ЧОИДР 1912, кн.3, 47)» [Варбот, 2011, с. 190].

Словарь В.И. Даля фиксирует следующие значения слова *толока*: «**Голока**, пар, на котором скот пасется, выгон, поскотина. Ток молотильный, ладонь. Потрава скотом на корню и вытолоченье трав, полей, хлеба. Толченая ольховая кора. Скотский выгон, городское, сельское общее пастбище; пар, парина, паровое поле, на которое пускают скот, при трехпольном хозяйстве. Помочь, сбор населения к одному хозяину, по кличу, для дружной работы, на один день. Шум, гомон, говор толпы. Полудровни, на коротких полозьях для такси бревен из лесу» [Даль, IV, с. 413].

«Словарь русских народных говоров» даёт те же значения слова *толока*, прибавляя к ним еще три: «1. поляна, площадка для отдыха и развлечений. 2. дерево с необыкновенно толстой частью в комле и очень тонкое в вершине. 3. небольшой островок между протоками или рукавами реки» [СРНГ, 44, с. 199-200].

Очевидна связь основных значений слова *толока* с глаголом *толочь* «тереть пестиком,

дробить, разбивать на мелкие части» или его возвратной формой *толочься*. Однако на первый взгляд неясно, как эта семантика соотносится с приведенным древнерусским контекстом. И Ж.Ж. Варбот логично заключает:

«Более конкретно и точно значение слов *толока*, *толочьнь* можно установить, обратившись к семантике лексем гнезда праслав. **telkti* в других славянских языках. Существенно, что польск. *tluc się* значит, в частности, ‘жить, вести себя развратно (о женщине)’, а в хелм.-добж. говорах *tluka* обозначает проститутку. На этом семантическом фоне может быть уточнен смысл приведенных выше текстов, что позволяет реконструировать для *толока* и *толочьнь* соответственно значения ‘насилие, разврат’ и ‘совратитель, развратник’» [Варбот, 2011, с. 191].

Заставляет задуматься предположение Ж.Ж. Варбот о том, что *толока* в значении «насилие, разврат» является развитием значения «хлебная потрава» к значению «порча вообще, в том числе лишение чести» (ср. *испортить девушку* – лишить невинности вне брака). Возможно, это сыграло свою роль, но представляется, что все же не первичную, так как сравнение мужского члена с пестиком, а женского лона со ступкой является одной из древних эвфемистических моделей и встречается в эротической литературе, в частности, в «Декамероне»: «Пусть нет греховней моего поступка, зато для такого пестика я безотказная ступка», – говорит жена мужу о своем любовнике [Боккаччо, с. 157].

Таким образом, слова *толока*, *толочьнь*, *tluc się*, *tluka*, восходя к метафорическому осмыслению полового акта как толчения, предполагают «грубую», чисто физическую любовь, лишённую духовной окраски.

***рѣхати.** «Праслав. **рѣхати*, **пѣхати*, судя по его продолжениям в славянских языках, имело значение ‘толкать, колоть’, специально ‘обдирать толчением зерно от шелухи’: ср., например, рус. диал. волог. и олон. *опухать* ‘обдирать пестами в ступе от шелухи рожь, пшеницу и проч.’. Есть родственные глаголы и с вокализмом **ѣ*: чеш. *pěchovati* ‘утрамбовывать’, рус. диал. яросл. *пешишь* ‘отпихивать, отталкивать’. ... От **рѣхати* образованы название орудия для очищения зерна в ступе – **рѣсть* и названия круп (как продуктов, получаемых в результате обтолчения, очищения зерна от шелухи) – **рѣшено*, **рѣшенца*» [Варбот, с. 350].

Как видно из приведенных значений, глаголы **рѣхати* и **telkti* во многом синонимичны, и поэтому вполне закономерно, что у обоих развилось вторичное значение «совершить половой акт»:

«**Перепихнуться** с кем (шутл.-пренебр.). Совершить половой акт, вступить в половой контакт с кем-л. УМК. 155. *Ей лишь бы выпить да перепихнуться*. СМЖ., 53» [Никитина, с. 495].

Перепихнуться – заняться сексом, как правило, со случайным (ой) партнёром (шей), без дальнейших обязательств. *Секс на один или два раза, то есть перепихнуться, меня не интересует*. Общеупотребительное, Разговорный сленг, Секс [Национальный корпус РЯ].

От глагола *перепихнуться* в этом значении возникло два существительных, обозначающих половой акт и имеющих такую же сниженную окраску: *перепихон* и *перепихнин*:

«**Перепихон**, шутл.-пренебр. Половой акт, половое сношение. *У меня от этого перепихона никакого удовольствия не осталось*» [Никитина, с. 495].

«**Перепихнин**, шутл.-пренебр. Половой акт, совокупление. *Секс без чувства – это просто перепихнин*» [там же].

Итак, в глаголе *перепихнуться*, производном от **рѣхати*, так же как и в производных от **telkti*, на первое место выводится фрикция, что подчёркивает сниженную, чисто физиологическую природу таких отношений.

***terti.** О.Н. Трубачев относит глагол **terti* к терминам текстильного производства: «Языковым мотивом названия мялки словом **търдлица* послужило наличие подходящих

значений и употреблений у соответствующего глагола праслав. **terti*, укр. *терти* и др., особенно в применении к данному трудовому процессу: «тереть» в смысле «ломать (стебли)» [Трубачев, 3, с. 459]. Впрочем, Трубачев не оспаривает того, что корень **ter-* восходит к более древнему значению «сверлить, точить»: «Основу **tǫrn-* в праслав. **tǫrnica*, представляющую не совсем обычное производное от глагольной основы **ter-* «тереть», мы сближаем с греч. *tornos* «токарный станок», которое вместе со славянской основой может продолжать и.е. **tr-no-* «то, что имеет отношение к трению». Здесь также отсутствует полная терминологическая общность, но вместе с тем должна быть отмечена общая тенденция использования тождественного производного от одной и той же глагольной основы в целях пополнения производственной лексики (значения «тереть» и «обтачивать», «сверлить» в общем очень близки друг к другу) [там же, с. 461-462].

Значение «ломать стебли (льна, конопли), мять, очищать от костры» у рефлексов глагола **terti* сохранилось в русских диалектах и некоторых других славянских языках: рус. сиб. *тереть лён* «освобождать лён от головок, разминая их на хорошо укатанном месте ногами лошадей или колёсами машин» [СРНГ, 44, с. 73], блр. *церици* «мять лён, пеньку» [Белорусско-русский словарь, с. 1001], польск. *trzeć* «мять, трепать лён, коноплю» [Karłowicz, Kryński, Niedźwiedzki, 7, с. 146], чеш. *třít len* «трепать лен» [Slovník spisovné češtiny, с. 575], в.-луж. *trěć* «трепать лен» [Трофимович, с. 328], н.-луж. *trěś* «трепать лен» [Muka, II, с. 772], серб.-хорв. *трти лан* «мять, трепать лен» [Речник српскохрватскога књижевног језика, 6, с. 312].

Круг значений праславянского корня **ter-* в праславянском языке был весьма обширен, но все перечисленные значения так или иначе связаны с движением. Это вполне соответствует значению глагола *тереть* в современном языке, а также его многочисленным значениям в диалектах.

Итак, основное значение этого корня – «резко двигать(ся)», прямо или косвенно объединяющее все производные от него, унаследованные современным русским языком, как литературным, так и диалектами.

Почти во всех славянских языках (кроме южнославянских) и в русских диалектах глагол *тереться* применительно к рыбам обозначает нерест:

«**Тереться**, стрд. О рыбе: растигся, метать икру и пускать молоки. *Щука и коропь трутся в ледоломь*» [Даль, 4, с. 401].

«*Тереться*: нереститься, метать икру (о рыбе): «*Рыба начала тереться (Керчь)*» [СРНГ 44, 74].

Глагол *тереться* в значении «нереститься» можно считать мотивированным глаголом *тереть*, так как во время нереста рыбы действительно *трутся* друг об друга или о дно. Вот как Ф.А. Абрамов описывает нерест: «Сёмги неистово били хвостами, извивались, с яростью тёрлись брюхом о дресву» [Абрамов, с. 251-252].

Но, как часто бывает, нейтральное по отношению к животному слово, будучи применено к человеку, приобретает грубо-уничижительный характер (ср. многие названия животных: *корова, кобыла, осёл, козёл, свинья, баран, собака* и др.; названия частей тела животного: *морда, рыло, лапа, копыто*; обозначение смерти животного: *издохнуть, околеть*). Это, по-видимому, произошло и с глаголом *тереться* (нерестовать): при переходе на человеческие отношения он стал обозначать половой акт с явно сниженной коннотацией:

«**Тереться**. Совершать половой акт, совокупляться с кем-л. *Весь месяц тёрлись так, что окна запотевали*» [Никитина, с. 694].

«**Тёрка**. Женщина, девушка (как правило – легко вступающая в половые контакты). *От тереться*» [там же, с. 694].

Интересно также диалектное слово *притирка*, одно из значений которого «искусственное половое возбуждение лошадей при случке» (то есть *притирание* их друг к другу) [СРНГ, 32, с. 15].

Итак, проанализированы три глагола, изначально обозначавших сельскохозяйственные

действия. Все они входят в семантическое поле «двигаться туда и обратно, воздействуя на поверхность чего-либо, растирая, дробя, измельчая и т.п.». Постепенно их значения усложнялись, приобретали дополнительные семантические оттенки, в том числе для обозначения табуированных действий; причем, если у глаголов **telkti* и **terti* эта семантика, по-видимому, развилась еще в праславянском языке (ср. вост.-слав. *толока* и зап.-слав. *tluka*, вост.-слав. и зап.-слав. обозначение нереста), то глагол **pъxati* в возвратной форме и с соответствующим префиксом приобрел ее уже в современном русском языке. Сниженная, вульгарная коннотация глаголов, обозначающих половой акт, несмотря на свою вторичность, восходит к древним представлениям об этом действе, основой которого является активное движение.

К этим глаголам можно добавить *отжарить*, *отодрать* и *натянуть* «совершить половой акт», которые также восходят к глаголам, обозначающим трудовые действия: **žariti*, **dъrati*, **tęgnati*.

Можно добавить, что где-то на границе между литературным языком и просторечием находится глагол *любить* в значении «совершать половой акт», что отразилось в анекдоте: «Вась, ты меня любишь? – А я что делаю?» Здесь конфликт непонимания в том, что женщина воспринимает глагол *любить* в общепринятом значении «испытывать чувство любви», а мужчина – в современном, более огрубленном. Однако глагол *любить* в значении «спать с кем-либо» все же обладает более возвышенной экспрессией, чем приведенные ниже глаголы физического действия; он означает половой акт с человеком, который по меньшей мере небезразличен. В этом значении его можно считать эвфемизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, Ф.А. Последняя охота / Ф.А. Абрамов. – М., 1973. – 400 с.
2. Белорусско-русский словарь под ред. акад. К.К. Крапивы. – М., 1962. – 1048 с.
3. Боккаччо, Д. Декамерон / Д. Боккаччо. – М., 1989. – 671 с.
4. Варбот, Ж.Ж. Исследования по русской и славянской этимологии / Ж.Ж. Варбот. – СПб., 2011. – 648 с.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка: в 4 т. / В.И. Даль. – СПб., 1880-1882.
6. Национальный корпус РЯ. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>
7. Никитина, Т.Г. Молодёжный сленг: Толковый словарь / Т.Г. Никитина. – М., 2004. – 912 с.
8. Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина. – Л., 1970-2011.
9. Трофимович, К.К. Верхнелужицко-русский словарь / К.К. Трофимович. – М., 1974. – 564 с.
10. Трубачев, О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. В 4 т. / О.Н. Трубачёв. – М., 2004-2009.
11. Речник српскохрватскога књижевног језика. В 6 кн. – Нови Сад, 1973.
12. Karłowicz, J., Kryński, A., Niedźwiedzki, W. Słownik języka polskiego. В 8 т. / J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. – Warszawa, 1900-1927.
13. Muka, E. Słownik dolnosербскеје речу. В 2 т. / Е. Мукa. – Freiberg, 1921-1928.
14. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. – Praha, 1978. – 799 с.

Материал поступил в редакцию 10.08.17.

**DEVELOPMENT OF COITAL SEMANTICS
IN AGRICULTURAL VERBS (*TELKTI, *PĀXATI, *TERTI)**

I.A. Gorbushina, Candidate of Philological Sciences, Junior Researcher
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow),
Russia

***Abstract.** In this article three ancient agricultural verbs, which have gained the specific meanings, relating to the sex life, are considered. In the paper, it is shown how original meanings of literary verbs are transformed.*

***Keywords:** verb, action, sex life, meaning change, connotation.*

УДК 80

ПРОЗВИЩЕ В КАЧЕСТВЕ ИНТРОДУКТИВНОЙ МОДЕЛИ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЦА В МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ

Л.А. Артемова, кандидат филологических наук, доцент
Воронежский государственный университет, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования прозвищ в немецком медийном пространстве. На материале корпусных данных федеральной прессы Германии, содержащих ономастический компонент, рассматривается интродуктивная модель прозвища. Выявлены разнообразные функции прозвищ, которые относятся к различным структурным типам и имеют разнонаправленные стилистические коннотации в газетном тексте.

Ключевые слова: интродуктивная модель, прозвище, функции, пресса Германии, структурные типы, стилистические коннотации.

В ономастическом пространстве Германии прозвища в узком понимании – семантически мотивированные именованья, так как они мотивированы внешним экстралингвистическим признаком, связанным с носителем прозвища. Семантически мотивированные прозвища, кроме ярко выраженной экспрессии, несут дополнительную информацию о называемом: о его внешности, поведении, роде деятельности, привычках, манерах и т.д. [2].

Функции имен в социуме, реальной жизни сообразно той или иной житейской ситуации определяется «социальным заказом», то есть все функции имен собственных социальные, так как реализуются в социально-речевой ситуации. Одной из антропонимических функций А.В. Суперанская называет социальную легализацию личности [8].

Модель, при помощи которой автор впервые вводит в текст публикации имя референта (в ее графической, орфографической, структурной форме), называется интродуктивной [5].

Доминирующей интродуктивной моделью является двухкомпонентная официальная антропонимическая модель, состоящая из фамилии и имени, обладающая нейтральной модальностью: Michael Schumacher, Conrad Adenauer, Ulrich Mühe, Elisabeth Maischberger. Официальная форма имени не «привязана» к каким-то определенным стилистическим или диалектным вариантам. Анализ практического материала позволил обнаружить на страницах немецкой прессы антропонимы в форме прозвищ. Сравните: Schumacher – **Schumi**, Conrad – **Conny**, Ulrich – **Uli**, Elisabeth – **Lieschen** [1].

Понимание прозвища в более широком формате основывается на критерии функционирования в неофициальной сфере общения вместо официального имени и выполнения им особой функции экспрессивного именованья лица, а не на критерии мотивированности или наличия внутренней формы у прозвища. Такое понимание прозвища (Spitzname) характерно для немецких лингвистов [10; 11]. При таком понимании производные образования от имени и фамилии, которые особенно основываются на игре с языковой формой (*Be* < *Beatrice*, *Mi* < *Michael*, *Jepe* < *Jens Peter*, *HJ* < *Hansjorg Angst*), также входят в группу прозвищ, так как

и они являются экспрессивными именованьями лиц и функционируют только как неофициальные имена [6].

В словаре Н.В. Подольской прозвищу дается следующее определение: «Прозвище – вид антропонима, дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующими его жизни обстоятельствами или по какой-либо аналогии» [7].

Прозвища настолько эмоционально и экспрессивно насыщены, что никогда не превращаются в нейтральные слова, а на фоне других собственных имен воспринимаются как стилистически окрашенные единицы [3]. Различные структурные типы прозвищ могут выполнять разнообразные функции и иметь разнонаправленные стилистические коннотации в газетном тексте.

1. Перенос свойств характеристик животного на человека определяет суть деперсонализации. Как средство образности данное явление широко распространено при образовании прозвищных имен и по отношению к референтам на страницах прессы.

Tiger, hol die Pranke raus! Heute WM-Boxkampf gegen Hill Dariusz Michalczewski (29/Foto) stößt blitzschnell die Linke vor – die gefährlichste Waffe des IBF-Champion. Tiger, hol die Pranke raus! Ein Sieg heute abend im WM-Fight gegen Doppelweltmeister Virgil Hill (33/USA), und Michalczewski ist der einzige Boxer der Welt, der drei Weltmeister-Gürtel hält. Der Kampf des Jahres wird ab 20 Uhr auf „premiere“ verschlüsselt übertragen. (Bild, 13.06.2017, S.1)

В данном тексте обращаются к *Dariusz Michalczewski*, сравнивая его с тигром и побуждая к победе. Референт-обладатель титула трехкратного чемпиона мира. Немцы болеют за него (бой между D. Michalczewski и его противником – двухкратным чемпионом мира Virgil Hill) и призывают, настраивают на победные удары. Автор статьи, обращаясь к герою по прозвищу Тигр, выражает настроение болельщиков. Спортсмену нужно сконцентрироваться и проявить лучшие физические качества, свойственные хищному зверю тигру. Таким образом он попытается оправдать доверие болельщиков. Данное прозвище – положительная характеристика референта.

2. Имена литературных, мифологических, библейских персонажей, а также всемирно известных политических деятелей (например, знаменитая принцесса Диана, супруга принца Уэльского, известная под прозвищем «Леди Ди») могут выполнять в тексте функцию метафорического сравнения, которое представляет собой логическую форму, не создающую нового и целостного объекта. Осуществленный же смысловой синтез, приводящий к образованию нового концепта, включает в себе метафору [9].

Lady Di: Als Doppel auf Platz 4

Schwanger! Im September kommt das Baby

Diana Sartor schüttelte schon den Kopf, als sie noch auf dem Schlitten lag...

Trotzdem war „Lady Di“ kurz nach dem Rennen, das die überragende Maya Pedersen (Schweiz) vor Shelly Rudman (Großbritannien) und Melissa Holligsworth-Richards (Kanada) gewonnen hatte, scheinbar nicht verbittert: „Ich bin froh, dass jetzt die Anspannung vorbei ist.“ Und lächelnd verriet sie: „Das war definitiv mein letzter Wettkampf. Ich bin in der neunten Woche schwanger.“

Wenig später fragte „Lady Di“ dann doch nach: „Wieviel hat mir eigentlich zu Bronze gefehlt? 28 Hundertstel? Ich denke, mit etwas Abstand werde ich mich destimmt noch ärgern. Leider war im zweiten Lauf Reif in der Bann. Das macht mir immer Probleme“. (Morgenpost, 17.02.2016)

В данном текстовом фрагменте *Diana Sartor* – немецкая спортсменка, представляющая зимний вид спорта скелетон, не дотянувшая до бронзовой медали и занявшая четвертое место на олимпиаде, именуется *“Lady Di”*. Очень обаятельная и симпатичная девушка импонирует автору статьи. Ассоциация с леди Дианой метафорична и вполне уместна, на наш взгляд, в данном контексте. Не выиграла на олимпиаде, зато в сентябре у нее будет baby. При любых обстоятельствах остается Диана неунывающей и милой, как и настоящая Леди Ди.

3. Определенным словообразовательным модификациям имени собственного свой-

ственно особая семантика: *Michael Schumacher* > *Schumi*, *Jürgen Klinsmann* > *Klinsi*, *Angelina Joli* > *Angie*.

Schon im WM-Achtelfinale gibt es für „Klinsi“ einen neuen Vertrag.

Für DFB-Präsident Theo Zwanziger ist bereits das Erreichen des WM-Achtelfinals die sportliche Basis für die weitere Arbeit von Jürgen Klinsmann als Bundestrainer.. (Morgenpost, 17.02.2013, S.8)

В тексте речь идет о новом контракте, который был предложен известному футбольному тренеру Юргену Клинсману. В интродуктивной модели автор публикации использует прозвище **“Klinsi”**.

Der amerikanische Schauspieler Brad Pitt (42) will Angelina Jolie (31) erst heiraten, wenn in den USA auch Homosexuelle die Ehe schließen dürfen und fühlt sich dabei im Einklang mit seiner Liebsten. „Für Angie und mich kommt eine Heirat erst in Frage, wenn auch für alle anderen Menschen in diesem Land, die gerne heiraten möchten, dies legal möglich ist“, sagt Pitt in der neuen Ausgabe der US-Zeitschrift „Esquire“. (Bild, 15.08.2016, S.9)

Известные актеры Angelina Jolie и Brad Pitt всегда приковывают внимание читателей. На страницах газет гораздо чаще официального антропонима именованная актрисы фигурирует ее прозвище **“Angie”**.

Schumi ganz entspannt Frentzen voll in Streß

„Montreal ist für mich eine Standortbestimmung. Da wird man sehen, ob wir weiterhin um den Titel mitfahren“, sagt Michael Schumacher vorm Großen Preis von Kanada. Die Vorbereitung ließ der Ferrari-Pilot locker angehen.

Mit Ehefrau Corinna und Bruder Ralf flog Schumi gestern aus New York in Montreal ein. „War das eine Hitze“. Stöhnte Schumi nach zwei Tagen in Manhattan. 34 Grad im Schatten – so heiß war’s noch nicht mal in Florida, wohin die Schumachers und Manager Willi Weber am letzten Wochenende gedüst waren. Michael Schumacher und Ferrari absolvieren heute Tests, morgen ist Abschluß-Training für das 7.Saison-Rennen (Bild, 13.07.2008, S.4).

Референты следующего медийного текста – **Torsten Wustlich** и **André Florschütz**, знаменитые профессионалы в санном спорте. **André Florschütz** больше известен читателям под милым прозвищем **‘Flori’**.

Nach Gold durch Sylke Otto und Bronze durch Tatjana Hüfner komplettierte der 29-jährige Torsten Wustlich den olympischen Medaillen-satz für den WSC Erzgebirge Oberwiesenthal. Der Sportsoldat erkämpfte mit seinem Partner André Florschütz (Oberhof) Silber in der Doppel-Konkurrenz. Die Morgenpost hakte nach.

Wustlich: „Das war 1996/97. Bei mir lief es nicht so im Einzel, ich wollte schon aufhören, ‘Flori’ suchte aber einen neuen Hintermann. Da haben wir s zusammen versucht, wurden gleich deutsche Junioren Meister und dann Zehnte bei der WM, Setdem ging es immer weiter aufwärts.“ (Morgenpost, 17.02.2016)

4. Прозвища с двойной мотивированностью образуются при помощи контаминации – слияния двух близких по звучанию слов, одно из которых – официальное имя собственное, а другое – имя нарицательное, указывающее на признаки, характерные качества именуемого. Подобные случаи являются пограничными между отфамильными и отыменными неофициальными образованиями и мотивированными прозвищами.

Например, **Willi Weinbrandt** от **Willy Brandt** (мотив – любитель спиртных напитков), **Althans** («дружище») от **Junghans**, **Sherlock Holmer** от **Holmer Hans** (министр внутренних дел), **Libero Gerhardt** от **Wolfgang Gerhardt** (шеф фракции FDP, либерал).

Libero Gerhardt

So viel Reformeifer war selten. Auch die FDP will da nicht außen vor bleiben. Und weil die kleine Oppositionspartei vergangene Woche im Basislager verharren musste, als die Großen den Job-Gipfel erklommen, sah sich FDP-Fraktionschef Wolfgang Gerhardt kurzerhand veranlasst, klar zu stellen, wer im bergigen Gelände den verlässlichsten Kompass hat: natürlich die Liberalen. Eine Einschätzung, die kaum mehrspaltig registriert worden wäre, wenn da nicht einer gefehlt hätte

bei der Vorstellung eines FDP-Regierungsprogramms für eine Ära nach Rot-Grün: Parteichef Guido Westerwelle. Der ist gnädig davon in Kenntnis gesetzt worden, dass ein anderer an seiner Stelle das liberale Große und Ganze erklärt. (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 12.09.2016, S.8)

5. Необходимо упомянуть о прозвищах, которые образуются посредством аналогии по моделям собственных имен-антропонимов, актуальных в данном языке, или по аналогии с иноязычными моделями, лексическим материалом, для наполнения которых служат имена нарицательные, сообщающие информацию о мотиве номинаций: **Claus Stotterich** (заика), **Dr. Chaos** (нелогичность мыслей), **Dr. Strom** (электрик), **Daria Einstein** (умственные способности). Такое квази-имя или квази-фамилия может быть связано со своим прототипом, указывая на особенности его личности:

Daria ist klug wie Einstein. Vor 5 Jahren sprach sie kein Deutsch – jetzt hat sie 2 Klassen übersprungen. Als Daria Tayurskaya (17) vor fünf Jahren aus dem 3000 Kilometer entfernten Kasan (Tatarstan/ Russland) nach Hilpolstein (Kreis Roth) kam, sprach sie kein Wort Deutsch – heute gehört sie zu den klügsten Schülern Bayerns. (Berliner Kurier, 15.09.2016, S.8)

Дарью сравнивают с великим Эйнштейном. Девочка приехала в Германию из Татарстана пять лет назад и совсем не говорила по-немецки. Сейчас же она перепрыгнула через два класса и поражает всех умом и сообразительностью до такой степени, что о ней даже пишут газеты.

6. В современных прозвищах усиливается оценочный элемент, наблюдается стремление отразить в прозвищном наименовании не столько реальные свойства человека, сколько дать ему социальную, преимущественно ироническую оценку. Под современными прозвищами обычно понимают неофициальные оценочные имена, присваиваемые лицам в различные периоды их жизни и содержащие представление о субъекте. [3] Можно выделить различные признаки, по которым даются прозвища: внешность, умственные, музыкальные или иные способности, возраст и т.д.

Klein-Stoffel wird zum großen Helden

Mit einem Luftschiff geht die Reise nach Amerika

Welches Kind hat nicht zuweilen den Wunsch, dass endlich einmal etwas Aufregendes passiert. So auch der zehnjährige Stoffel, der bei dem quälend langsamen Ticken einer Uhr auf Sommerfrischler wartet, die seine Boote am Blaubersee ausleihen wollen. Doch er wartet nicht allein. Seine Mutter sehnt sich nach Besuchern, die ihre Badeanstalt füllen.

Der Vater indessen ärgert sich über die Fische, die nicht in sein Netz gehen. Und über allem schweben die Geldsorgen. Da hat Stoffel plötzlich eine Idee – und das rasch und fröhlich zu ticken... Das ist die Gelegenheit für Stoffel – er wird zum Helden. (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 12.09.2016, S.9)

Маленький Штоффель решил совершить путешествие на воздухоплавателе в Америку и стать героем. Автор статьи называет референта **Klein-Stoffel**, так как молодому человеку всего десять лет, а планы у него довольно грандиозные. Прозвище в данной интродуктивной модели характеризует 10-летнего мальчика-фантазера, подчеркивая его возраст.

Bekennender Frankfurter

Wolfgang Klötzer arbeitet im nunmehr fünfzehnjährigen „Unruhestand“ unter anderem an einer Neuauflage seiner Frankfurter Biographie.

„Keine liebere Stadt als diese“ hat er, Goethe zitierend, einen Band mit Aufsätzen über Frankfurt betitelt, in dem er unter anderem dem Ursprung des Namens dieser Stadt nachgeht, sich mit Sachsenhausen, dem Franfurter Hof und dem Waldstadion beschäftigt, über Justinian von Holzhausen, Heinrich Hoffman und politische Karikaturen von 1848 schreibt und die Beziehungen Frankfurts zum Umland beleuchtet. Es gibt wohl nicht viele, die sich so gut in Geschichte und Geschichten Frankfurts auskennen wie der gebürtige Wiesbadener Wolfgang Klötzer, der heute seinen 80. Geburtstag feiert. (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 19.07.2016, S.8)

„Bekennender Frankfurter“ (всезнающий франкфуртец) – так именуется автор данного текста своего персонажа. Руководитель городского архива во Франкфурте Wolfgang Klötzer

считается знатоком истории, развития и становления города. Желая сделать акцент на энциклопедических знаниях господина Клетцера и его почтенном возрасте (ему – 80 лет) в интродуктивной модели фигурирует не официальное имя, а прозвище.

Held der Knochenarbeit

Kosmos Mittelalter: Der Historiker Jürgen Peterson wird siebzig

*In der noch jungen Bundesrepublik nahm **Peterson** das Studium oder auch die Suche nach der Geschichte auf. Im Verbund mit Germanistik und Philosophie erschien sie ihm in Würzburg, Bonn und Marburg. Beinahe zwanzig Jahre was der Gelehrte bis zu seiner Emeritierung im Jahre 2000 als Professor für Mittelalterliche Geschichte an der Philipps-Universität beheimatet.*

Eines hielt Peterson von Anfang an für selbstverständlich: Geschichte besteht nicht aus Strukturen, sondern aus Biographien. In diese hat sie bei ihrer Narration zu zerfallen. Bereits die Dissertation über den sich absolutistisch gebärdenden Herzog Georg Friedrich von Preußen erhellt „die lebendige Wirkung der Persönlichkeit als bestimmende Kraft historischer Entscheidungen“. (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.09.2016, S.10)

Историка Юргена Петерсона в интродуктивной модели обозначили как «героя по работе с костями». Ученый, профессор, занимающийся историей средневековья, прекрасно владеет фактами биографий многих исторических личностей.

7. Буквенные аббревиатуры инициального типа – достаточно распространенный способ образования прозвищ, при этом аббревиатуры могут произноситься на английский или на немецкий манер: **HJ** < **Hansjorg Angst** (*ha-jot*), **JP** [*dshi-pi*] < **Jean-Pierre**, **CJ** [*si-dshei*] < **Christine Jakob**, **RD** < **Ralfdieter**.

8. Среди прозвищных имен, исследованных нами на страницах немецких газет, можно выделить также структурную модель образования прозвищ – аббревиация с контаминацией личного и фамильного онимов, когда для образования прозвища берутся начальные слоги имени личного и фамилии или происходит неоднократное повторение первых слогов фамильного онима, например: **Bärbek Bächle** – **Bäbü**, **Konrad Kurdisch** – **Kuku**, **Blatter** – **Bla-Bla-Blatterix**.

*Nur Ärger mit diesem **Bla-Bla-Blatterix***

*Auch heute ist der dieser Kolumne wieder ein weiter thematischer Bogen zu schlagen. Von Asterix bis **Sepp Blatter**. Von eitlen, machtversessen, korrupten, rücksichtslosen, intriganten und verlogenen römischen Mächtigen-Weltbeherrschern bis zum Fußball-Weltverband FIFA. Sie meinen, der Bogen ist gar nicht mal so weit? Das haben SIE gesagt, gell!!! Und nicht ich.*

*Die Sache ist diese: Ich lese letzte Woche den neuen Asterix “Gallien in Gefahr”, um mich ordentlich zu amüsieren. Und gleich danach eine Kolumne des Schweizer Fußball-Imperators **Joseph S. Blatter**, um mich so richtig zu ärgern. Und was passiert? Ich ärgere mich über den Asterix, weil Außerirdische im Gallier-Dorf eine ziemlich blöde Idee sind. Und amüsiere mich über den **Bla-bla-Blatterix**, weil er in der Financial Times gar so lustige Sachen schreibt und den “fehlgeleiteten Wildest-Kapitalismus” des Fußballs kritisiert. Da stimmt doch was nicht, wenn der alte Blatter komischer ist als der alte Blatter komischer ist als neue Asterix, oder? (Tageszeitung, 23.10.2015, S.39)*

Автор данного медийного фрагмента проводит параллель между Asterix и швейцарским футбольным императором Сеппом Блаттером (Blatterix).

9. Прозвища могут даваться человеку в результате оценки его действия, поступка или, наоборот, бездействия. Эмоциональная оценка прозвищ характеризуется определенными закономерностями возникновения и особенностями восприятия. Эмоциональная оценка может создаваться за счет экспрессивности логической оценки, которая, в свою очередь, относится к предметно-логической части значения прозвища:

***Waffenhändler, Kriegsverbrecher, Charles Taylors Financier** ist verhaftet worden / Von Thomas Scheen Johannesburg, 22. März. „**Guus**“, der baumlange **Holländer**, war eine unumgängliche Persönlichkeit in Liberia. Guus hatte überall seine Finger drin: im Waffelhandel, in der Geldwäsche, im illegalen Holzeinschlag, vermutlich im Diamantenschmuggel, sicher im*

Glücksspiel. Er betrieb das Kasino des „Hotel Africa“ in Monrovia, in dem Gestalten wie Sam „Moskito“ Bocharie, hauptberuflicher Totschläger aus Sierra Leone, seine Dollars verzockte; er war der Geschäftsführer der liberianischen Filiale der „Oriental Timber Corporation“, hinter der die indonesische Holz- und Fischereigruppe Djajanti-Group steht und die in Liberia machte, was sie wollte. Guus bewegte sich grundsätzlich nur im eigenen Hubschrauber, der dekorativ auf der Wiese vor dem Hotel Africa geparkt stand. Und wer ein Geschäft mit Charles Taylor machen wollte, landete früher oder später unweigerlich bei Guus. Der 62 Jahre alte Guus van Kouwenhoven wurde am Montag in den Niederlanden festgenommen. (Die Zeit, 05.09.2016, S.3)

Вместо официальной модели имени финансиста Чарльза Тейлора 67-летнего **Guus van Kouwenhoven**, мы читаем: торговец оружием, военный преступник, профессиональный убийца из Sierra Leone; Sam “Moskito” Bockarie, высокий, как дерево, голландец.

Эмоциональная оценка по характеру всегда совпадает с логической, и в ее возникновении участвуют два фактора – семасиологический и стилистический. Семасиологический фактор заключается в образности, фигуральности оценочных значений. Это достигается путем употребления или создания семантически прозрачных слов, в которых оценочные компоненты являются «открытыми» и часто имеют оттенок гиперболизации.

Сравнивая прозвища с фамилиями, А.И. Ефимов отмечает, что в изобразительном отношении фамильные онимы, кроме говорящих имен на фоне прозвищ, бесцветны, ибо в них представлен преимущественно элемент номинативный, назывной [4]. В то время как в функционировании личных имен, отчеств или фамилий основной является тенденция к забвению этимологии собственного имени – прозвища призваны совмещать с номинативной функцией функцию характеристики и оценки, содержащихся во внутренней форме прозвища, что актуально для медийных текстов, главные персонажи (референты) которых – публичные личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемова, Л.А. Особенности функционирования антропонимов в медийных текстах (на примере немецкой прессы) / Л.А. Артемова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2 (ч.2). – С. 66–74.
2. Артемова, Л.А. Функции именованного автора и референта в медийных сообщениях различных жанров / Л.А. Артемова // Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 4. – С. 35–40.
3. Данилина, Е.Ф. Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых «сокращенных» формах имен в русском языке / Е.Ф. Данилина // Ономастика / Академия наук СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1969. – С. 186.
4. Ефимов, А.И. Стилистика художественной речи / А.И. Ефимов. – М.: МГУ, 1959. – С. 187.
5. Живоглядов, А.А. Семантико-стилистический потенциал английской ономастики. Дис. ... канд. филол. наук / А.А. Живоглядов. – М., 1986. – С. 187.
6. Заверюха, И.Н. Имена собственные в немецкой разговорной речи : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04. / И.Н. Заверюха. – М., 2000.
7. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978.
8. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – С. 193.
9. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – С. 193.
10. Kany, W. Inoffizielle Personennamen. Bildung, Bedeutung und Funktion / W. Kany. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. – S. 201.
11. Naumann, H. Kosenamen / H. Naumann // Handlungsbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd. 11.1 Namenforschung. – Berlin; New York: De Gruyter, 1995. – S. 203-233.

Материал поступил в редакцию 14.08.17.

NICKNAME AS AN INTRODUCING MODEL AS A TOOL CHARACTERIZING PERSON IN MEDIA TEXT

L.A. Artemova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Voronezh State University, Russia

***Abstract.** The results of the study of nicknames in the German media space are presented in the article. The introducing model of the nickname is being studied based on the federal German print media corpus data containing onomastic components. Various functions of nicknames are identified, corresponding to different structural types and multidirectional stylistic connotations in newspaper texts.*

***Keywords:** introducing model, nickname, functions, German print media, structural types, stylistic connotations.*

УДК 811.112.2

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Т.Ю. Смирнова, кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(Санкт-Петербург), Россия

***Аннотация.** На примере использования конъюнктива косвенной речи в романе Д. Кельманна «Измерение мира» в статье рассматривается проблема дискурсивных потенций языковых единиц и возможность их использования в «чужеродной среде» с целью достижения эффекта «отчуждения», относящегося к основным эстетическим принципам постмодернизма. Нарушение правил декодирования текста связывается с невозможностью интерпретации языковых единиц на основе их системного значения или узуального употребления в определенном типе дискурса.*

***Ключевые слова:** конъюнктив косвенной речи, языковая единица как элемент текста, системное значение, узуальное употребление, постмодернистский дискурс.*

Как известно, одним из основных эстетических принципов постмодернизма является принцип «отчуждения» („Ästhetik des Fremden“) [см. Grabes, 2004]. Эффект неожиданного восприятия объекта достигается различными, в ряде случаев достаточно провокационными, способами, не позволяющими реципиенту декодировать заключенные в форме смыслы «традиционным» образом. За внешне знакомой формой кроется нечто «другое», вызывающее замешательство, удивление, нечто эпатазирующе непонятное.

Определенные навыки декодирования, приобретенные при чтении художественных повествовательных текстов, в случае обращения к постмодернистским текстам остаются невостребованными, а сама рецепция, представляя собой значительно более трудоемкий процесс, становится не средством постижения художественного объекта, а самоцелью.

В литературоведческих исследованиях, посвященных интерпретации текстов постмодернизма, проблемам семиотики текста большое внимание уделяется приемам текстопорождения, разрушающим основные необходимые для построения фиктивного мира принципы нарративного повествования, которые предопределяют восприятие текста. Описывая роль читателя в процессе рецепции текста, Умберто Эко демонстрирует возможности «манипуляции» восприятием читателя [Эко, 2003].

Наиболее «разрушительными» (в рамках эстетики «отчуждения») оказываются параметры текста, касающиеся основных точек отсчета – представляемых в тексте «субъекта/субъектов речи», пространства и времени. Дезориентация читателя в отношении субъекта речи, с которым он вступает в диалог, невозможность его идентификации, противоречия при определении последовательности описываемых событий, метаморфозы, происходящие с пространством – *совмещение несовместимого* является необходимым свойством данных текстов. Классическим примером могут послужить тексты, демонстрирующие принцип коллажа, например, «Улисс» Джеймса Джойса.

Особый интерес в связи с изучением собственно языковой манифестации интенции, заключающейся в стремлении вырвать читателя из ставших традиционными схем декодирования, представляют исследования, в которых системное значение или узуальное употребление языковых единиц противопоставляются неuzuальному, а также исследования, в которых описываются дискурсивные потенции языковых единиц [Смирнова, Кришталь, 2017]. В рамках

лингвопрагматического и текстоцентрического подхода отмечается наличие определенных грамматических доминант – языковых единиц, узуально используемых в определенной среде, а также неких «экзотов», которые оказываются «текстовыми сигналами комплексного назначения, при помощи которых автор [...] текста приводит в действие различные коммуникативные стратегии» [Нефёдов, 2015: 21].

Е.А. Гончарова и Л.М. Ньюбина отмечают, что языковые единицы, становясь структурными элементами словесно-речевого художественного произведения, функционально «удваиваются», так как приобретают функцию моделирования «изображенного мира текста». «Иерархия языковых единиц как композиционно-архитектонических элементов текстов подчинена при этом, прежде всего, не лингвистическим принципам, а смысловой роли соответствующего элемента в текстовом целом, задаваемой (эгоцентрической) творческой интенцией автора и (ретроспективно) распознаваемой в том или ином объеме читателем» [Гончарова, Ньюбина, 2016: 23 - 24].

Рассмотрим один из случаев «экзотического», то есть в определенной степени дезориентирующего читателя, но подчиненного реализации творческой интенции автора употребления грамматической единицы. Речь идет об использовании в романе Д. Кельманна «Измерение мира» / «Измеряя мир» (D. Kehlmann „Die Vermessung der Welt“) конъюнктива как средства косвенной передачи чужой речи.

Как известно, противопоставление форм Konjunktiv I и Konjunktiv II изначально базируется на различиях в дистрибуции. «Vor allem ist der Konjunktiv I seltener als der Konjunktiv II...; darüber hinaus ist sein Gebrauch im Wesentlichen auf die indirekte Rede sowie auf bestimmte Textsorten...beschränkt» [E. Hentschel, H. Weydt, 2003: 118]. При изучении категории эвиденциальности (засвидетельствованности) обсуждается вопрос, связанный с наличием у форм Konjunktiv I («конъюнктива косвенной речи») значения «ирреальности» – «системного» значения конъюнктива. В случае косвенного представления речи значение ирреальности может трактоваться как значение «сомнения в достоверности» передаваемой информации и вопрос о наличии данного значения у конъюнктива косвенной речи решается двояко. Для неких «нейтральных» контекстов значимым является наличие других маркеров косвенной речи. При их экспликации конъюнктив оказывается особым «дополнительным» средством и подчеркивает дистанцированность говорящего по отношению к передаваемой информации. В научном же тексте, по мнению большинства исследователей, конъюнктив является лишь маркером косвенного цитирования без субъективной оценки говорящим достоверности передаваемой информации.

Средой, в которой косвенная речь оказывается, скорее, очень периферийным способом передачи речи, является художественное повествование с ауториальным повествователем (повествование в 3-ем лице). Характерная для данных текстов «растворенность» автора в тексте, с одной стороны, и противоречащее этому явное «присутствие» посредника в косвенной речи, с другой, не позволяют использовать формы косвенной речи в данном типе повествования. Для него характерны авторская речь, прямая речь, а также несобственно-прямая речь. Последняя могла бы так же рассматриваться как прием «дезориентации» читателя, так как совмещает два «сознания» – перспективу автора и перспективу персонажа, однако данный прием, имея определенную традицию, не вызывает затруднений при интерпретации.

В романе Д. Кельманна «Измерение мира» отсутствует прямая речь: речь персонажей представлена исключительно в виде косвенной речи. При этом возникает эффект передачи чужой речи непосредственно «наблюдателем», по-видимому, за счет определенных признаков, которые присущи, скорее, прямой речи – детализованности, эмоциональной окрашенности. Так в рассказе ацтеков Александру Гумбольдту о жертвоприношении двадцати тысяч людей в храме Акапулько, номинативные структуры, предшествующие предложению с косвенной речью, служат экспликации непосредственного наблюдения, а косвенная речь свидетельствует об опосредованно полученной информации: «Einer nach dem anderen: Herz raus, Kopf ab. Die Reihen der Wartenden hätten bis zum Rand der Stadt gereicht» [Kehlmann: 20].

Кто является наблюдателем-посредником, передающим содержание всех, якобы, состоявшихся бесед?

Отдельные структуры, в которых отсутствует спрягаемый глагол, могли бы рассматриваться как прямая речь, но при последовательном использовании косвенной речи они воспринимаются как эллиптические структуры, также передающие косвенную речь:

Alles habe er versäumt, sagte die Schwiegermutter. Wohl wieder den Kopf in den Sternen gehabt!

Er habe ja nicht einmal ein anständiges Fernrohr, sagte er bedrückt. Was denn passiert sei?
Es sei ein Junge.

Was für ein Junge denn? Erst als er ihrem Blick begegnete, verstand er. Und er wusste sofort, dass sie ihm das nie verzeihen würde [Kehlmann: 154].

Постмодернистский дискурс позволяет рассматривать этот прием (использование только косвенной речи, имеющей при этом признаки прямой речи) как некое «нарушение правил игры». Но какова интенция автора? Подчеркнуть ирреальность повествуемого мира? Или это «игра в «цитацию», представление «повествуемого мира» как бесконечно «цитируемого мира»? Любая интерпретация в данном случае будет субъективной. Системное значение грамматической единицы является лишь отправной точкой, а декодирование замысла – игра с читателем, загадка, которая, по-видимому, не имеет решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончарова, Е.А. Я – ТЕКСТ – МИР / Е.А. Гончарова, Л.М. Ньюбина. – СПб.: Политехника-сервис, 2016. – 211 с.
2. Нефёдов, С.Т. Язык лингвистической науки: вопросительность в асертивной «среде» научного текста / С.Т. Нефёлов // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском университете. Вып. V: Язык профессиональной коммуникации – немецкий: Сб. науч. статей.* – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2015. С. 7 – 24.
3. Смирнова, Т.Ю. Высказывание, текст, дискурс как «среда репрезентации» грамматического значения / Т.Ю. Смирнова, Ю.Н. Кришталь // *Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики. Материалы научных чтений памяти проф. Л. В. Шишковой: сб. статей / отв. ред. проф. Л.Б. Копчук.* – СПб.: Свое издательство, 2017. – С. 121-137.
4. Эко, Умберто. Шесть прогулок в литературных лесах / Умберто Эко. – СПб.: «Симпозиум», 2003. – 285 с.
5. Grabes, Herbert. Einführung in die Literatur und Kunst der Moderne und Postmoderne / Herbert Grabes. – Tübingen und Basel: A. Franke Verlag, 2004. – 177 с.
6. Hentschel, Elke / Weydt, Harald. Handbuch der deutschen Grammatik. 3., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2003. – 524 с.
7. Kehlmann, Daniel. Die Vermessung der Welt / Daniel Kehlmann. – Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2008. – 304 с.

Материал поступил в редакцию 04.09.17.

GRAMMATICAL MEANING IN POSTMODERN DISCOURSE

T.Yu. Smirnova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg), Russia

***Abstract.** In this article, the issue of the discourse potentialities of language units and possibility of their use in "non-native environment" for the purpose of achievement the "estrangement" effect relating to the basic aesthetic principles of postmodernism is considered on the example of usage conjunctive of indirect speech in the novel "Measuring the World" by Daniel Kehlmann. The violation of the rules of text decoding relates to impossibility of language unit's interpretation based on their system meanings or usual application in a certain discourse type.*

***Keywords:** conjunctive of indirect speech, language unit as a text element, system meaning, usual application, postmodern discourse.*

УДК 81

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ТЕРМИНА «КАЛАМБУР» (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

А.В. Темнохуд, магистр филологических наук, преподаватель кафедры романских языков Белорусский государственный экономический университет (Минск), Республика Беларусь

Аннотация. До сих пор не найдено однозначного ответа на вопрос об этимологии термина «каламбур», и как следствие – различные гипотезы его происхождения. В статье предлагается новый подход к решению данного вопроса. Этимологически термин каламбур возник как комический эффект восприятия первого **перевода** латинского изречения библейского текста на французский язык. Исходным способом создания каламбура стало полное фонетическое сходство существительных *Pierre – pierre* и смысловая двуплановость французского высказывания.

Ключевые слова: каламбур, фигура речи, словесная игра, окказиональность порождения, комический эффект.

В конце XVIII века *calembour* был признан словом французского языка (хотя его происхождение как понятия – *фигура речи* – до сих пор остается загадкой).

Есть мнение, что впервые во французском языке слово «каламбур» употреблено Дидро в адресованном Софи Воланд письме от 1 октября 1768 года, однако его происхождение в письме не раскрывается.

Чтобы эксплицировать истинную (исходную) языковую сущность каламбура, необходимо обратиться к реальному источнику – его первому переводу с латинского библейского текста на французский язык.

Выполненный в XIII веке во Франции в период правления короля Людовика IX Святого (Saint Louis), внука Филиппа II, в период между 1226 и 1250 годами профессорами Парижского университета [6] перевод:

*Tu es Pierre et sur cette pierre, Je bâtirai mon Eglise, et que les portes du séjour des morts ne prévaudront point contre elle*¹ (Mt XVI : 18) [4]

означает:

‘Ты – Петр² и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее’ (Мф 16:18)

и передает обращение одного персонажа к другому: Иисуса к рыбаку Симону:

Tu es Petrus et super hanc petram Ecclesiam meam aedificabo
[цит. по 3, с. 164].

Следует иметь в виду, что французский язык относится к группе романских языков, получивших свое развитие на основе латинского. Роль латинского языка в процессе романизации по-разному отразилась на создании грамматической системы родственных языков. Морфологическая система французского языка, в отличие от итальянского или испанского, оказалась наиболее аналитичной. Уже в старофранцузском языке наблюдается отсутствие системы парадигм склонения: «Показательно, что англо-романский автор «Жития Эдуарда Исповедника» в 1245 г. пожаловался именно на незнание падежей» [2, с. 136].

Практически в IX–X вв. склонение как система французского языка уже отсутствует. Среднефранцузский язык именной флексии почти не знает; а в XVIII веке у существительных больше нет флективных как системных, парадигматических показателей грамматических категорий.

Поэтому вполне естественно, что первый перевод с латинского языка на французский есть, прежде всего, *переход* одной лингвистической системы в другую, т.е. в данном случае является результатом развития аналитической системы французского языка. Эта закономерность и нашла свое отражение в оформлении разных падежных окончаний двух латинских существительных *Petrus / petram* неизменяемой формой *Pierre / pierre* во французском языке.

Вместе с тем, перевод, полученный с латинского на французский язык, неожиданно производит комический эффект. Иначе говоря, первая реакция восприятия фонетического и графического оформления французских слов *Pierre* и *pierre* (*Камень* и *камень*) вызывает невольную улыбку.

Но тут же возникает и недоумение по поводу серьезности содержания того же латинского высказывания.

Такое расхождение восприятия «эффекта» с целевой направленностью торжественно важного действия латинского изречения послужило причиной отнесения подобной «нелепости (глупости, ошибки)» к числу «нежелательных гостей», т.е. к *каламбур*. А отсюда общее положение: «В «серьезном» речевом общении каламбуры далеко не всегда желательны, иногда они – неожиданные и нежелательные гости, за которых говорящие даже извиняются...» [1, с. 511].

Возникшее «историческое недоразумение» семантического и комического порядка – следствие первого перевода латинского изречения на французский язык – вызвало к случайной контрастности каламбура не просто негативное отношение, но и резкую отрицательную реакцию. В. Гюго, например, сравнил *каламбур* с «пометом мысли, которая парит»: «*Le calembour est la fiente de l'esprit qui vole*» [5].

Но именно неожиданность возникшего комического эффекта перевода высказывания (*Tu es Pierre et sur cette pierre...*), вызывающего смех, недоумение, непонимание, определяет термин *каламбур* (*calembour*) – шутка, нечто нелепое, смешное, что указывает и на его связь с греч. *kalos, kale* – ‘прекрасный’ и с французским именем *bourde* – ‘забавная чепуха’, ‘глупость’, ‘ошибка’. Можно отметить, что этимологически термин *calembour* – результат соединения его греческого «источка» и его конечного французского завершения: *kale + bourde* → *calembour*.

Итак, экспликация окказиональности порождения игры слов как механизма формирования каламбура именно во французском языке имеет в своей основе фактор подчинения (при переводе) правил системы одного языка (латинского) правилам другого (французского). Доказательством соответствия проводимого анализа закономерностям французского языка является и то, что в дефинициях термина и понятия *calembour* в других языках отмечается неясность его этимологии со ссылкой на французское происхождение.

Как видим, каламбур, получив статус фигуры речи, присущей любому языку, тем не менее, сохраняет свое лингвистическое «первородство» – французский язык.

Примечания

¹ «Les paroles de Jésus dans ce passage peuvent donc être interprétées comme un simple jeu de mots ...» [4, с. 1418] ‘Слова Иисуса в этом отрывке могут быть интерпретированы просто как игра слов...’.

² Камень (сноска в Библии: Мф 16:18). Связь Pierre и pierre явно передается через указательный детерминатив cette – cette pierre

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Яз. славян. культуры: Кошелев, 2002. – 552 с.
2. Скрелина, Л.М. История французского языка / Л.М. Скрелина, Л.А. Становая. – М.: Высшая школа, 2001. – 463 с.
3. Gagnière, C. Pour tout l’or des mots: Au bonheur des mots / C. Gagnière. – Paris: Edition Robert Laffont, S.A., 1997. – 1066 p.
4. La Sainte Bible avec commentaires de John MacArthur / J. MacArthur. – Genève: Société Biblique de Genève, 1979. – 2302 с.
5. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2001. – 2841 p.
6. Ressources chrétiennes. – Les manuscrits du Nouveau Testament // Aperçu chronologique [Ressource électronique]. – 2017. – Mode d’accès: <http://www.ressourceschretiennes.com> – Date d’accès: 02.06.2017.

Материал поступил в редакцию 31.08.17.

ON THE ETYMOLOGY OF THE CALEMBOUR TERM (BASED ON THE FRENCH MATERIAL)

A.V. Temnokhud, Master of Philological Sciences, Teacher of Department of the Latin Languages
Belarus State Economic University (Minsk), Republic of Belarus

***Abstract.** Still we do not have a decisive answer to the issue of etymology of the calembour term, and as a result, there are various hypotheses of its origin. In this article, a new approach to the solution of this issue is suggested. Etymologically the term calembour has arisen as comic effect of perception of the first **translation** of Latin saying in the bible text into French. An initial way of calembour creation is the full phonetic similarity of nouns of Pierre – pierre and different levels of semantic of the French statement.*

***Keywords:** calembour, figure of speech, word-play, generation occasionality, comic effect.*

Для заметок

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 5 (11), сентябрь / 2017

Адрес редакции:
Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»
Адрес типографии:
Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель: ООО Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 12.09.2017 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 19. Свободная цена. Тираж 100.